

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

21 января 2016 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 17 декабря 2015 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладами выступили судьи Верховного Суда Российской Федерации **Л.В. Борисова** и **О.Ю. Шилов**, которые отметили, что ранее подобного постановления Верховным Судом Российской Федерации не принималось.

По вопросам применения процессуального законодательства о взыскании судебных расходов в Верховный Суд из регионов Российской Федерации поступило более 600 вопросов из судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Все они были изучены, обобщены и в значительной степени нашли отражение в проекте постановления Пленума.

Проект обсуждался в Судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации по гражданским и административным делам, по экономическим спорам, по делам военнослужащих, в Апелляционной коллегии, направлялся в областные и равные им суды общей юрисдикции, в арбитражные суды, а также в высшие учебные заведения. Обсуждение проекта постановления состоялось на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Представленным на обсуждение Пленума проектом постановления не охватываются вопросы возмещения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве, а также вопросы об издержках по делам об административных правонарушениях. Поскольку отношения,

связанные с уплатой государственной пошлины и возмещением расходов по ее оплате, имеют существенные особенности, которые обусловлены регулированием данных отношений не только процессуальным, но и налоговым законодательством, вопросы о применении законодательства о государственной пошлине планируется разрешить в отдельном постановлении Пленума.

В названном постановлении закрепляется сложившаяся в судах общей юрисдикции и арбитражных судах практика. Оно направлено на решение актуальных и значимых для правоприменителей вопросов. Его принятие обеспечит правильное применение законодательства о распределении и возмещении судебных издержек, что является одной из важнейших гарантий доступности правосудия. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по обсуждаемому вопросу будет способствовать повышению эффективности судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

В прениях по докладом выступили заместитель председателя Свердловского областного суда **В.А. Дмитриев**, судья Арбитражного суда Республики Коми **Т.И. Галаева**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **С.Г. Кехлеров**, заместитель Министра юстиции Российской Федерации **Д.В. Аристов**, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, кандидат юридических наук **М.З. Шварц**.

В работе Пленума принял участие полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **В.А. Поневежский**.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 21 января 2016 г.

О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела

В целях обеспечения единства практики применения судами законодательства, регулиюще-

го порядок возмещения судебных расходов по гражданским, административным делам, эконо-

мическим спорам, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения:

1. Судебные расходы, состоящие из государственной пошлины, а также издержек, связанных с рассмотрением дела (далее — судебные издержки), представляют собой денежные затраты (потери), распределяемые в порядке, предусмотренном главой 7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), главой 10 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), главой 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ).

По смыслу названных законоположений, принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (например, решение суда первой инстанции, определение о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебный акт суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса).

2. К судебным издержкам относятся расходы, которые понесены лицами, участвующими в деле, включая третьих лиц, заинтересованных лиц в административном деле (статья 94 ГПК РФ, статья 106 АПК РФ, статья 106 КАС РФ).

Перечень судебных издержек, предусмотренный указанными Кодексами, не является исчерпывающим. Так, расходы, понесенные истцом, административным истцом, заявителем (далее также — истцы) в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления, административного искового заявления, заявления (далее также — иски) в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости. Например, истцу могут быть возмещены расходы, связанные с легализацией иностранных официальных документов, обеспечением нотариусом до возбуждения дела в суде судебных доказательств (в частности, доказательств, подтверждающих размещение определенной информации в сети “Интернет”), расходы на проведение досудебного исследования состояния имущества, на основании которого впоследствии определена цена предъявленного в суд иска, его подсудность.

Расходы на оформление доверенности представителя также могут быть признаны судебными издержками, если такая доверенность выдана для участия представителя в конкретном деле или конкретном судебном заседании по делу.

3. Расходы, обусловленные рассмотрением, разрешением и урегулированием спора во внесудебном порядке (обжалование в порядке подчиненности, процедура медиации), не являются судебными издержками и не возмещаются согласно нормам главы 7 ГПК РФ, главы 10 КАС РФ, главы 9 АПК РФ.

4. В случаях, когда законом либо договором предусмотрен претензионный или иной обязательный досудебный порядок урегулирования спора, расходы, вызванные соблюдением такого порядка (например, издержки на направление претензии контрагенту, на подготовку отчета об оценке недвижимости при оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объекта недвижимости юридическим лицом, на обжалование в вышестоящий налоговый орган актов налоговых органов ненормативного характера, действий или бездействия их должностных лиц), в том числе расходы по оплате юридических услуг, признаются судебными издержками и подлежат возмещению исходя из того, что у истца отсутствовала возможность реализовать право на обращение в суд без несения таких издержек (статьи 94, 135 ГПК РФ, статьи 106, 129 КАС РФ, статьи 106, 148 АПК РФ).

5. При предъявлении иска совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие) распределение судебных издержек производится с учетом особенностей материального правоотношения, из которого возник спор, и фактического процессуального поведения каждого из них (статья 40 ГПК РФ, статья 41 КАС РФ, статья 46 АПК РФ).

Если лица, не в пользу которых принят судебный акт, являются солидарными должниками или кредиторами, судебные издержки возмещаются указанными лицами в солидарном порядке (часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 4 статьи 2 КАС РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ, статьи 323, 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

6. Судебные издержки, понесенные третьими лицами (статьи 42, 43 ГПК РФ, статьи 50, 51 АПК РФ), заинтересованными лицами (статья 47 КАС РФ), участвовавшими в деле на стороне, в пользу которой принят итоговый судебный акт по делу, могут быть возмещены этим лицам исходя из того, что их фактическое процессуальное поведение способствовало принятию данного судебного акта.

При этом возможность взыскания судебных издержек в пользу названных лиц не зависит от того, вступили они в процесс по своей инициативе либо привлечены к участию в деле по ходатайству стороны или по инициативе суда.

7. Лица, не участвовавшие в деле, о правах и об обязанностях которых суд принял судебный акт, лица, чьи права, свободы и законные интересы нарушены судебным актом, при обжаловании этих судебных актов пользуются правами и исполняют обязанности лиц, участвующих в деле, в том числе связанные с возмещением судебных издержек (часть 3 статьи 320, часть 1 статьи 376, часть 1 статьи 391¹ ГПК РФ, часть 2 статьи 295,

часть 1 статьи 318, часть 1 статьи 332, часть 1 статьи 346 КАС РФ, статья 42 АПК РФ).

8. Лица, обратившиеся в суд с коллективным административным иском заявлением либо заявлением в защиту прав и законных интересов группы лиц, пользуются процессуальными правами истца. Такие лица при условии их фактического участия в рассмотрении дела, по итогам которого принято решение об удовлетворении заявленных требований, имеют право на возмещение понесенных ими судебных издержек. В свою очередь, с указанных лиц взыскиваются судебные издержки при отказе в удовлетворении соответствующих требований (часть 3 статьи 42 КАС РФ, часть 1 статьи 225¹⁰, статья 225¹² АПК РФ).

9. Переход права, защищаемого в суде, в порядке универсального или сингулярного правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица, переход права собственности на вещь, уступка права требования и пр.) влечет переход права на возмещение судебных издержек, поскольку право на такое возмещение не связано неразрывно с личностью участника процесса (статьи 58, 382, 383, 1112 ГК РФ). В указанном случае суд производит замену лица, участвующего в деле, его правопреемником (статья 44 ГПК РФ, статья 44 КАС РФ, статья 48 АПК РФ).

Уступка права на возмещение судебных издержек как такового допускается не только после их присуждения лицу, участвующему в деле, но и в период рассмотрения дела судом (статьи 382, 383, 388¹ ГК РФ). Заключение указанного соглашения до присуждения судебных издержек не влечет процессуальную замену лица, участвующего в деле и уступившего право на возмещение судебных издержек, его правопреемником, поскольку такое право возникает и переходит к правопреемнику лишь в момент присуждения судебных издержек в пользу правопредшественника (пункт 2 статьи 388¹ ГК РФ).

Переход права на возмещение судебных издержек в порядке универсального или сингулярного правопреемства возможен как к лицам, участвующим в деле, так и к иным лицам.

10. Лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек.

11. Разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов (часть 3 статьи 111 АПК РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 4 статьи 2 КАС РФ).

Вместе с тем в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон (статьи 2, 35 ГПК РФ, статьи 3, 45 КАС РФ, статьи 2, 41 АПК РФ) суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе рас-

ходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер.

12. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах (часть 1 статьи 100 ГПК РФ, статья 112 КАС РФ, часть 2 статьи 110 АПК РФ).

При неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов (статьи 98, 100 ГПК РФ, статьи 111, 112 КАС РФ, статья 110 АПК РФ).

13. Разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обоснована известностью представителя лица, участвующего в деле.

14. Транспортные расходы и расходы на проживание представителя стороны возмещаются другой стороной спора в разумных пределах исходя из цен, которые обычно устанавливаются за транспортные услуги, а также цен на услуги, связанные с обеспечением проживания, в месте (регионе), в котором они фактически оказаны (статьи 94, 100 ГПК РФ, статьи 106, 112 КАС РФ, статья 106, часть 2 статьи 110 АПК РФ).

15. Расходы представителя, необходимые для исполнения его обязательства по оказанию юридических услуг, например расходы на ознакомление с материалами дела, на использование сети “Интернет”, на мобильную связь, на отправку документов, не подлежат дополнительному возмещению другой стороной спора, поскольку в силу статьи 309² ГК РФ такие расходы, по общему правилу, входят в цену оказываемых услуг, если иное не следует из условий договора (часть 1 статьи 100 ГПК РФ, статья 112 КАС РФ, часть 2 статьи 110 АПК РФ).

16. Расходы на оплату услуг представителей, понесенные органами и организациями (в том числе обществами защиты прав потребителей), наделенными законом правом на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц (статьи 45, 46 ГПК РФ, статьи 39, 40 КАС РФ, статьи 52, 53, 53¹ АПК РФ), не подлежат возмещению, поскольку указанное полномочие предполагает их самостоятельное участие в судебном процессе без привлечения представителей на возмездной основе.

17. Если несколько лиц, участвующих в деле на одной стороне, вели дело через одного пред-

ставителя, расходы на оплату его услуг подлежат возмещению по общим правилам части 1 статьи 100 ГПК РФ, статьи 112 КАС РФ, части 2 статьи 110 АПК РФ в соответствии с фактически понесенными расходами каждого из них.

18. По смыслу статей 98, 100 ГПК РФ, статей 111, 112 КАС РФ, статьи 110 АПК РФ, судебные издержки возмещаются при разрешении судами материально-правовых споров. Поскольку рассмотрение дел, предусмотренных главами 28—30, 32—34, 36, 38 ГПК РФ, главой 27 АПК РФ, направлено на установление юридических фактов, определение правового статуса привлеченных к участию в деле лиц или правового режима объектов права, а не на разрешение материально-правового спора, издержки, понесенные в связи с рассмотрением указанных категорий дел, относятся на лиц, участвующих в деле, которые их понесли, и не подлежат распределению по правилам главы 7 ГПК РФ, главы 10 КАС РФ, главы 9 АПК РФ.

19. Не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например, исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 23 Семейного кодекса Российской Федерации).

20. При неполном (частичном) удовлетворении имущественных требований, подлежащих оценке, судебные издержки присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику — пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано (статьи 98, 100 ГПК РФ, статьи 111, 112 КАС РФ, статья 110 АПК РФ).

21. Положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек (статьи 98, 102, 103 ГПК РФ, статья 111 КАС РФ, статья 110 АПК РФ) не подлежат применению при разрешении:

иска неимущественного характера, в том числе имеющего денежную оценку требования, направленного на защиту личных неимущественных прав (например, о компенсации морального вреда);

иска имущественного характера, не подлежащего оценке (например, о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения);

требования о взыскании неустойки, которая уменьшается судом в связи с несоразмерностью последствиям нарушения обязательства, получением кредитором необоснованной выгоды (статья 333 ГК РФ);

требования, подлежащего рассмотрению в порядке, предусмотренном КАС РФ, за исключением требований о взыскании обязательных платежей и санкций (часть 1 статьи 111 указанного Кодекса).

Вместе с тем правило о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек применяется по экономическим спорам, возникающим из публичных правоотношений, связанным с оспариванием ненормативных правовых актов налоговых, таможенных и иных органов, если принятие таких актов возлагает имущественную обязанность на заявителя (часть 1 статьи 110 АПК РФ).

22. В случае изменения размера исковых требований после возбуждения производства по делу при пропорциональном распределении судебных издержек следует исходить из размера требований, поддерживаемых истцом на момент принятия решения по делу.

Вместе с тем уменьшение истцом размера исковых требований в результате получения при рассмотрении дела доказательств явной необоснованности этого размера может быть признано судом злоупотреблением процессуальными правами и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек необходимыми полностью или в части (часть 1 статьи 35 ГПК РФ, части 6, 7 статьи 45 КАС РФ) либо возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек (статья 111 АПК РФ).

23. Суд вправе осуществить зачет судебных издержек, взыскиваемых в пользу каждой из сторон, и иных присуждаемых им денежных сумм как встречных (часть 4 статьи 1, статья 138 ГПК РФ, часть 4 статьи 2, часть 1 статьи 131 КАС РФ, часть 5 статьи 3, часть 3 статьи 132 АПК РФ).

Зачет издержек производится по ходатайству лиц, возмещающих такие издержки, или по инициативе суда, который, исходя из положений статьи 56 ГПК РФ, статьи 62 КАС РФ, статьи 65 АПК РФ, выносит данный вопрос на обсуждение сторон.

24. В случае частичного удовлетворения как первоначального, так и встречного имущественного требования, по которым осуществляется пропорциональное распределение судебных расходов, судебные издержки истца по первоначальному иску возмещаются пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований. Судебные издержки истца по встречному иску возмещаются пропорционально размеру удовлетворенных встречных исковых требований.

25. В случаях прекращения производства по делу, оставления заявления без рассмотрения судебных издержки взыскиваются с истца.

Вместе с тем, если производство по делу прекращено в связи со смертью гражданина или ликвидацией юридического лица, являвшегося стороной по делу, либо исковое заявление оставлено без рассмотрения в связи с тем, что оно подано недееспособным лицом или в связи с неявкой сторон, не просивших о разбирательстве дела в их отсутствие, в суд по вторичному вызову (абзац седьмой статьи 222 ГПК РФ), судебные издержки, понесенные лицами, участвующими в деле, не подлежат распределению по правилам главы 7 ГПК РФ, главы 10 КАС РФ, главы 9 АПК РФ.

В случае, если исковое заявление оставлено без рассмотрения ввиду того, что оно подписано

и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и (или) подачу, либо подписано лицом, должностное положение которого не указано, судебные издержки, понесенные участниками процесса в связи с подачей такого заявления, взыскиваются с этого лица.

26. При прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика (часть 1 статьи 101 ГПК РФ, часть 1 статьи 113 КАС РФ, статья 110 АПК РФ).

При этом следует иметь в виду, что отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, поэтому возмещение судебных издержек истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска. Следовательно, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика.

27. При заключении мирового соглашения, соглашения о примирении судебные издержки распределяются в соответствии с его условиями. В том случае, если в мировом соглашении, соглашении о примирении стороны не предусмотрели условия о распределении судебных издержек, суд разрешает данный вопрос с учетом следующего.

Заключение мирового соглашения, соглашения о примирении обусловлено взаимными уступками сторон, и прекращение производства по делу ввиду данного обстоятельства само по себе не свидетельствует о принятии судебного акта в пользу одной из сторон спора. Поэтому судебные издержки, понесенные сторонами в ходе рассмотрения дела до заключения ими мирового соглашения, соглашения о примирении, относятся на них и распределению не подлежат.

В то же время судебные издержки, понесенные судом в связи с рассмотрением дела за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации (статья 103 ГПК РФ, статья 114 КАС РФ), денежные суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам, распределяются судом, в том числе по его инициативе, между сторонами поровну посредством вынесения определения (часть 2 статьи 101 ГПК РФ, часть 2 статьи 113 КАС РФ).

28. После принятия итогового судебного акта по делу лицо, участвующее в деле, вправе обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении.

Такой вопрос разрешается судом в судебном заседании по правилам, предусмотренным статьей 166 ГПК РФ, статьей 154 КАС РФ, статьей 159 АПК РФ. По результатам его разрешения выносятся определение.

При рассмотрении заявления по вопросу о судебных издержках суд разрешает также вопросы о распределении судебных издержек, связанных с рассмотрением данного заявления. С учетом это-

го заявление о возмещении судебных издержек, понесенных в связи с рассмотрением заявления по вопросу о судебных издержках, поданное после вынесения определения по вопросу о судебных издержках, не подлежит принятию к производству и рассмотрению судом.

29. Если судебные издержки, связанные с рассмотрением спора по существу, фактически понесены после принятия итогового судебного акта по делу (например, оплата проживания, услуг представителя осуществлена после разрешения дела по существу), лицо, участвующее в деле, вправе обратиться в суд с заявлением по вопросу о таких издержках.

Суд отказывает в принятии к производству или прекращает производство в отношении заявления о судебных издержках, вопрос о возмещении или об отказе в возмещении которых был разрешен в ранее вынесенном им судебном акте, применительно к пункту 2 части 1 статьи 134, абзацу третьему статьи 220 ГПК РФ, пункту 4 части 1 статьи 128, пункту 2 части 1 статьи 194 КАС РФ, пункту 2 части 1 статьи 150 АПК РФ.

30. Лицо, подавшее апелляционную, кассационную или надзорную жалобу, а также иные лица, фактически участвовавшие в рассмотрении дела на соответствующей стадии процесса, но не подававшие жалобу, имеют право на возмещение судебных издержек, понесенных в связи с рассмотрением жалобы, в случае, если по результатам рассмотрения дела принят итоговый судебный акт в их пользу.

В свою очередь, с лица, подавшего апелляционную, кассационную или надзорную жалобу, в удовлетворении которой отказано, могут быть взысканы издержки других участников процесса, связанные с рассмотрением жалобы.

Издержки, понесенные в связи с пересмотром вступившего в законную силу судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, возмещаются участникам процесса исходя из того, в пользу какой стороны спора принят итоговый судебный акт по соответствующему делу.

Понесенные участниками процесса издержки подлежат возмещению при условии, что они были обусловлены их фактическим процессуальным поведением на стадии рассмотрения дела судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, на стадии пересмотра вступившего в законную силу судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

31. Судебные издержки, понесенные заявителем на стадии исполнения решения суда, связанные с участием в судебных заседаниях по рассмотрению заявлений должника об отсрочке, о рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения, возмещаются должником (статьи 98, 100 ГПК РФ, статьи 111, 112 КАС РФ, статья 110 АПК РФ).

32. Лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, в связи с чем суд вправе отнести судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными правами

и не выполнившее своих процессуальных обязанностей, либо не признать понесенные им судебные издержки необходимыми, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию итогового судебного акта.

33. В связи с принятием настоящего постановления признать не подлежащими применению:

пункт 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 “О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ “О вне-

сении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации”;

абзац третий пункта 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 51 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Право собственности на недвижимое имущество не может быть признано за фактическим владельцем этого имущества, если он владеет им на основании, не предусмотренном законом

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2015 г. № 18-КГ15-143*

(Извлечение)

П. обратился в суд с иском о признании права собственности на нежилое здание — торговый остановочный комплекс (далее — остановочный комплекс), расположенный вблизи жилого дома.

Судом установлено, что 1 октября 2011 г. между П. и обществом заключен предварительный договор купли-продажи остановочного комплекса.

Монтирование остановочного комплекса было поручено обществу на основании распоряжения главы местной администрации в целях завершения благоустройства территории, прилегающей к многоэтажному жилому дому, строительство которого завершено.

В соответствии с условиями предварительного договора купли-продажи общество обязывалось не позднее 1 апреля 2012 г. зарегистрировать свое право собственности на остановочный комплекс в управлении Росреестра и заключить с П. основной договор купли-продажи имущества не позднее 1 апреля 2012 г.

В соответствии с п. 2.1 предварительного договора купли-продажи П. полностью выполнены обязательства по оплате имущества, однако ответчик до 1 апреля 2012 г. обязательства по регистрации права собственности на остановочный комплекс не исполнил.

1 мая 2012 г. состоялась передача остановочного комплекса истцу, после чего он обратился в орган технической инвентаризации для составления необходимой технической документации.

Рассматривая дело, суд первой инстанции, ссылаясь на положения ст.ст. 309, 310, 454, 550, 551 ГК РФ, пришел к выводу о наличии правовых оснований для признания за истцом права собственности на имущество, указав, что общество не выполнило обязательств по оформлению технической и правовой документации и передаче в собственность построенного объекта недвижимости, а П. является фактическим собственником возведенного нежилого здания — остановочного комплекса.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 15 сентября 2015 г., рассмотрев дело в кассационном порядке, признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, не основанными на законе по следующим основаниям.

Согласно ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором (п. 1).

Таким образом, предметом предварительного договора является обязательство сторон по поводу заключения будущего договора, а не обязательство в отношении недвижимого имущества.

Обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекращаются, если до окончания срока, в который стороны должны заключить основной договор, он не будет заключен либо одна из сторон не направит другой стороне

предложение заключить этот договор (п. 6 ст. 429 ГК РФ).

Поскольку в установленный договором срок (до 1 апреля 2012 г.) основной договор купли-продажи заключен не был, ни одна из сторон не потребовала в письменной форме заключить этот договор, постольку в силу п. 6 ст. 429 ГК РФ обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекратились.

При таких обстоятельствах, в отсутствие между сторонами договорных отношений по поводу спорного имущества, у судебных инстанций не имелось правовых оснований для применения положений указанных выше статей Гражданского кодекса РФ, регулирующих исполнение договорных отношений сторон по купле-продаже недвижимости.

Ссылка судебных инстанций на ст. 222 ГК РФ также является неправомерной.

В соответствии с пп. 1—3 ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой — продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. В этом случае лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом.

Судом установлено, что письмом от 15 февраля 2007 г. местная администрация уведомила общество о запрете на заключение договоров аренды на земельные участки, расположенные под остановочным комплексом, и отказала в предоставлении соответствующего земельного участка. Остановочный комплекс возводился не П., а обществом, которое с иском о признании права собственности на самовольную постройку не обращалось и разрешения на ввод данного объекта в эксплуатацию не получало.

Кроме того, как указал суд, право собственности на остановочный комплекс за обществом зарегистрировано не было.

Между тем согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним — юридический акт признания и подтвер-

ждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

То обстоятельство, что 1 мая 2012 г. состоялась передача имущества от общества П., само по себе не могло привести к возникновению права собственности на него, поскольку такого основания возникновения права собственности ст. 218 ГК РФ не предусмотрено.

Таким образом, поскольку у общества не возникло право собственности на остановочный комплекс по основаниям, предусмотренным действующим гражданским законодательством, постольку за П. как фактическим владельцем этого объекта также не может быть признано право собственности.

Ввиду приведенных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение — об отказе в удовлетворении исковых требований П. к обществу о признании права собственности на нежилое здание — остановочный комплекс, расположенный вблизи жилого дома.

2. Выбор способа защиты своих жилищных прав осуществляется заинтересованным лицом самостоятельно

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 17 февраля 2015 г. № 34-КГ14-14*

(Извлечение)

М. обратился в суд с иском к комитету имущественных отношений муниципального образования, управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по субъекту Российской Федерации, государственному унитарному предприятию технической инвентаризации субъекта Российской Федерации о признании права пользования квартирами на основании договора социального найма, признании занимаемых комнат жилыми, обязанности внести изменения в регистрационную запись ЕГРП относительно назначения объекта, обязанности внести изменения в экспликацию к поэтажному плану объекта, указав вместо диспетчерских площадью 30,8 и 44,1 кв.м жилые комнаты площадью 30,8 и 44,1 кв.м.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, судебные инстанции ссылались на то, что защита жилищных прав путем предъявления требований о признании недвижимого имущества жилым помещением не

предусмотрена ни Жилищным кодексом РФ, ни ст. 12 ГК РФ. Суды указали, что право на защиту могло быть реализовано истцом путем предъявления в судебном порядке требований о признании незаконными действий (бездействий), решений соответствующего муниципального органа, связанных с отказом в инициировании процедуры перевода либо самом переводе нежилого помещения в жилое.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело 17 февраля 2015 г. в кассационном порядке, признала указанные выводы неправильными по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 11 ЖК РФ защита жилищных прав осуществляется, в частности, путем признания жилищного права, а также восстановления положения, существовавшего до нарушения жилищного права, и пресечения действий, нарушающих это право или создающих угрозу его нарушения.

Выбор конкретного способа защиты жилищных прав, как правило, осуществляется самостоятельно уполномоченным лицом.

Необходимость в использовании такого способа защиты права, как признание жилищного права, возникает в том случае, когда наличие у лица определенного субъективного жилищного права отрицается или ставится под сомнение, вследствие чего лицо не может воспользоваться своим субъективным жилищным правом.

Такой способ защиты права, как восстановление положения, существовавшего до нарушения жилищного права, и пресечение действий, нарушающих это право или создающих угрозу его нарушения, имеет своей целью устранение последствий правонарушения или самого правонарушения, носящего длящийся характер.

Как следует из материалов дела, материально-правовой интерес истца заключался в устранении последствий, связанных с неправомерным изменением статуса занимаемых им помещений на нежилые, в отсутствие решения о переводе этих помещений из жилых в нежилые и признании за ним права на использование данных помещений как жилых.

Проживая в спорных жилых помещениях, занимаемых по договору социального найма, который не был признан недействительным, заявитель полагал, что признание за ним права пользования жилыми помещениями именно на условиях договора социального найма восстановит его нарушенное субъективное жилищное право.

При таких обстоятельствах выводы судебных инстанций о том, что истцом был избран ненадлежащий способ защиты права, Судебная коллегия признала не основанными на законе, заявленные требования подлежали рассмотрению по существу.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

3. В случае полной гибели, утраты застрахованного имущества, в том числе транспортного средства, застрахованного по договору добровольного страхования, и отказа выгодоприобретателя от своих прав на указанное имущество в пользу страховщика страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2015 г. № 4-КГ15-47*

(Извлечение)

Х. обратилась в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, сославшись на то, что принадлежащий истцу автомобиль, застрахованный у ответчика по риску “ущерб” и “хищение”, был похищен неустановленными лицами, однако ответчик не производит выплату страхового возмещения.

Ответчик иск не признал, просил отказать в удовлетворении исковых требований.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции об удовлетворении заявленных требований отменено в части взыскания неустойки, в отмененной части принято новое решение — об отказе в удовлетворении данного требования. В части компенсации морального вреда и взыскания штрафа решение суда изменено, абзац второй резолютивной части решения суда изложен в иной редакции. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 15 сентября 2015 г. отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и дело направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Согласно п. 1 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Судом установлено, что между Х. и страховой организацией был заключен договор страхования транспортного средства по риску “ущерб” и “хищение” на страховую сумму 609 тыс. рублей.

В период времени с 15 час. 14 января 2013 г. по 08 час. 16 января 2013 г. застрахованное транс-

портное средство было похищено неустановленными лицами у дома по месту жительства истца.

Х. обратилась в орган внутренних дел с заявлением о хищении указанного автомобиля, по факту хищения было возбуждено уголовное дело.

Истец обратилась в страховую организацию с заявлением о наступлении страхового случая, предоставив все необходимые документы, однако ответчик, не отказав в выплате, в установленный Правилами страхования двадцатидневный срок не произвел выплату страхового возмещения.

Разрешая спор, судебные инстанции, исходя из положений Правил добровольного страхования транспортных средств и спецтехники, утвержденных приказом страховой организации, согласно которым по риску “хищение” размер страховой выплаты определяется исходя из страховой суммы, установленной в договоре страхования, за вычетом амортизационного износа транспортного средства, пришли к выводу о необходимости учета при определении размера подлежащего взысканию страхового возмещения износа автомобиля с момента заключения договора до его хищения, что составило 5%.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций противоречащими требованиям закона.

В силу п. 1 ст. 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Пунктом 1 ст. 422 ГК РФ предусмотрено, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

В соответствии с п. 5 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” в случае утраты, гибели застрахованного имущества страхователь, выгодоприобретатель вправе отказаться от своих прав на него в пользу страховщика в целях получения от него страховой выплаты (страхового возмещения) в размере полной страховой суммы.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан”, в случае полной гибели имущества, т.е. при полном его уничтожении либо таком повреждении, когда оно не подлежит восстановлению, страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы в соответствии с п. 5 ст. 10 Закона об организации страхового дела (абандон).

Таким образом, исходя из положений приведенной выше правовой нормы, являющейся императивной, и разъяснений, в случае полной гибели, утраты застрахованного имущества, в том числе транспортного средства, застрахованного по договору добровольного страхования, и отказа выгодоприобретателя от своих прав на указанное

имущество в пользу страховщика страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы.

Следовательно, условие, содержащееся в названных Правилах страхования, о том, что при полной гибели, утрате транспортного средства, в том числе в результате хищения, страховая выплата определяется с учетом износа деталей поврежденного имущества, противоречит императивной норме, содержащейся в п. 5 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации”.

Однако это не было учтено судебными инстанциями при рассмотрении данного дела.

Вывод судебных инстанций о том, что к спорным правоотношениям подлежат применению положения указанных Правил страхования о выплате страхового возмещения с учетом амортизационного износа является необоснованным, поскольку п. 1 ст. 16 Закона РФ “О защите прав потребителей” установлено, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

Данным положением корреспондирует правовая позиция, содержащаяся в Определении Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1831-О “По запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абзаца шестого статьи 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” и пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, где говорится о защите прав потребителя как экономически более слабой и зависимой стороны в гражданско-правовых отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями.

Таким образом, реализация принципа свободы договора в отношениях с участием потребителя ограничена императивными нормами Конституции Российской Федерации.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Если затраты в виде уплаты неосновательного обогащения за пользование имуществом без установленных законом оснований по существу представляют собой арендную плату, их размер может быть включен в состав внереализационных расходов в целях исчисления налога на прибыль

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 сентября 2015 г. № 305-КГ15-6506

(Извлечение)

Между обществом (покупатель) и компанией (продавец) заключен договор купли-продажи нежилого здания, который впоследствии был рас-

торгнут до регистрации перехода права собственности к покупателю.

В связи с тем, что указанное имущество обществом не было своевременно возвращено, с него в пользу продавца было взыскано неосновательное обогащение в размере арендной платы за пользование зданием в спорные периоды.

Данное обстоятельство послужило основанием для включения обществом произведенных выплат в состав внереализационных расходов в целях налогообложения прибыли.

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу о завышении налогоплательщиком внереализационных расходов на сумму неосновательного обогащения, в связи с чем принял решение о доначислении обществу налога на прибыль, начислении соответствующих сумм пеней и штрафа.

Общество обратилось с иском в суд о признании данного решения налогового органа недействительным.

Отказывая в удовлетворении указанных требований, суды трех инстанций исходили из того, что в силу положений п. 1 ст. 1102, п. 2 ст. 1105 ГК РФ отнесение к внереализационным расходам при налогообложении прибыли сумм присужденного неосновательного обогащения неправомерно, поскольку экономическая выгода в виде данных сумм у общества не возникает; обществом денежные средства, возвращенные по решению суда, ранее не были учтены в составе доходов, а возврат незаконно полученного дохода не образует расходов в целях налогообложения прибыли.

Указанную позицию судов Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ считает ошибочной в силу следующего.

В соответствии со ст. 247 Налогового кодекса РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается прибыль, полученная налогоплательщиком. Прибылью для российских организаций признаются полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов, определяемых в соответствии с Налоговым кодексом РФ.

В состав внереализационных расходов, учитываемых при определении налогооблагаемой прибыли, включаются обоснованные затраты на осуществление деятельности, не связанной с производством и (или) реализацией, в частности, расходы в виде признанных должником или подлежащих уплате должником на основании решения суда, вступившего в законную силу, штрафов, пеней и (или) иных санкций за нарушение договорных или долговых обязательств, а также расходы на возмещение причиненного ущерба (подп. 13 п. 1 ст. 265 НК РФ).

Из системного анализа положений главы 25 “Налог на прибыль организаций” НК РФ следует, что понятия “убыток” и “ущерб” в контексте налогового законодательства являются равнозначными и их возникновение влечет одинаковые налоговые последствия для налогоплательщика, определение которых дано в п. 2 ст. 15 ГК РФ.

Условием принятия расходов к уменьшению налогооблагаемой базы является их обоснованность и документальное подтверждение (п. 1 ст. 252 НК РФ).

Судами установлено и следует из материалов дела, что недвижимое имущество использовалось обществом как производственное помещение, в котором размещались два сборочных цеха, испытательная станция и химическая лаборатория. В указанном помещении продукция заявителя проходила конечную стадию производства, реализовывалась покупателям, вследствие чего у общества образовался доход в виде выручки от реализации произведенной продукции.

Таким образом, произведенные обществом затраты в виде уплаты неосновательного обогащения за использование помещений без законных оснований по существу представляют арендную плату, подлежащую уплате за использование объекта в целях осуществления предпринимательской деятельности. Об этом свидетельствует и расчет размера неосновательного обогащения, произведенный судом исходя из стоимости аренды.

Следовательно, понесенные расходы документально подтверждены и отвечают критериям, установленным п. 1 ст. 252 и п. 1 ст. 265 НК РФ, в связи с чем у налогового органа отсутствовали основания для отказа обществу во включении уплаченных сумм упущенной выгоды в состав внереализационных расходов.

2. Арбитражным процессуальным кодексом РФ не предусмотрена возможность обжалования определения об отказе в наложении судебного штрафа и судебного акта об отмене определения о наложении судебного штрафа

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 июня 2015 г. № 303-ЭС15-818

(Извлечение)

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении банка к ответственности на основании ст. 332 АПК РФ за неисполнение решения суда.

Определением суда первой инстанции заявление общества удовлетворено в части взыскания с банка в доход федерального бюджета судебного штрафа в размере 5 тыс. рублей за несвоевременное исполнение решения суда.

Постановлением суда апелляционной инстанции указанное определение отменено и в удовлетворении заявления о наложении судебного штрафа отказано в связи с отсутствием правовых оснований для применения ст. 332 АПК РФ.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 10 июня 2015 г. отменила постановление арбитражного суда округа и прекратила производство по кассационной жалобе, поданной на постановление суда апелляционной инстанции, по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 332 АПК РФ за неисполнение судебного акта арбитражным судом может быть наложен судебный штраф по правилам главы 11 АПК РФ в размере, установленном федеральным законом.

Согласно ч. 4 ст. 120 АПК РФ по результатам рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа арбитражный суд выносит определение.

В силу ч. 6 ст. 120 АПК РФ определение арбитражного суда о наложении судебного штрафа может быть обжаловано лицом, на которое наложен судебный штраф.

Частью 1 ст. 188 АПК РФ предусмотрено, что определение арбитражного суда может быть обжаловано отдельно от обжалования судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, в случаях, если в соответствии с Кодексом предусмотрено обжалование этого определения, а также если это определение препятствует дальнейшему движению дела.

Таким образом, Арбитражным процессуальным кодексом РФ установлена возможность обжалования только определения о наложении судебного штрафа и только лицом, на которое наложен судебный штраф.

Обжалование определения об отказе в наложении судебного штрафа нормами названного Кодекса не предусмотрено.

В соответствии с ч. 5 ст. 188 АПК РФ жалоба на постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на определение арбитражного суда первой инстанции, может быть подана в арбитражный суд кассационной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вступления в законную силу такого постановления, если в соответствии с указанным Кодексом такое постановление может быть обжаловано в арбитражный суд кассационной инстанции.

Исходя из смысла ч. 6 ст. 120 и ч. 5 ст. 188 АПК РФ, п. 6 и абз. 3 п. 6.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции”, не предусмотрено обжалование определения об отказе в наложении судебного штрафа и судебного акта об отмене определения о наложении штрафа и отказе в удовлетворении заявления о его наложении.

В настоящем деле суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы банка на определение о наложении штрафа пришел к выводу об отсутствии оснований для наложения судебного штрафа за неисполнение судебного акта, в связи с чем отменил определение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении заявления о наложении судебного штрафа.

Арбитражному суду округа с учетом положений ст.ст. 281 и 282 АПК РФ при рассмотрении вопроса о принятии кассационной жалобы на это постановление суда апелляционной инстанции к производству следовало возратить жалобу зая-

вителю как поданную на судебный акт, который не обжалуется в порядке кассационного производства, а установив указанное обстоятельство в судебном заседании — прекратить производство по кассационной жалобе применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

3. Если товары, загруженные на судно, необходимы для обеспечения нормальной эксплуатации и технического обслуживания судна и их количество не превышает минимума, требуемого для выполнения рейсового задания, они могут быть задекларированы в режиме припасов и освобождены от таможенных пошлин и налогов в соответствии со ст.ст. 363, 364 Таможенного кодекса Таможенного союза и правилом 15 главы 4 “Припасы” специального приложения J к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 30 сентября 2015 г. № 305-КГ15-1816*

(Извлечение)

Общество заключило контракт с иностранной компанией на снабжение судов топливом и смазочными маслами, необходимыми для эксплуатации судов.

В рамках данного договора на судно, выполнявшее рейс между двумя иностранными портами, в порту Российской Федерации, лежащем на пути его следования, обществом осуществлена поставка мазута в качестве припасов.

Обществом поданы таможенные декларации на вывоз с условным начислением таможенных платежей товара — мазут, который был задекларирован в качестве припасов, подлежащих освобождению от уплаты вывозной таможенной пошлины.

В отношении общества проведена камеральная таможенная проверка, в результате которой таможенный орган пришел к выводу, что указанное судно не осуществляло международную перевозку, предусмотренную законодательством Российской Федерации, и не выполняло условий, предусматривающих право на получение льготы по уплате вывозной таможенной пошлины при перемещении горюче-смазочных материалов в качестве припасов, поскольку судно выполняло рейс между двумя иностранными портами и прибыло в порт Российской Федерации исключительно с целью бункеровки топливом, на таможенную территорию Таможенного союза груз не ввозило и не вывозило. В связи с этим товар должен был перемещаться под процедурой экспорта с уплатой таможенных платежей. На основании изложенного было принято решение о начислении обществу дополнительных платежей.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании названного решения недействительным.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что из содержания Стандартов 5 и 17

Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершена в г. Киото 18 мая 1973 г.; в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.; ратифицирована Федеральным законом от 3 ноября 2010 г. № 279-ФЗ “О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года”; далее — Киотская конвенция) следует, что припасы, необходимые для эксплуатации транспортного средства, освобождаются от уплаты таможенных пошлин.

Постановлением арбитражного суда округа акты судов первой и апелляционной инстанций отменены, в удовлетворении требований общества отказано.

Арбитражный суд округа, руководствуясь подп. 40 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее — ТК ТС), указал, что условия, установленные таможенным законодательством Таможенного союза, при которых отгруженное топливо можно было бы отнести к припасам для целей осуществления международных перевозок, в рассматриваемом случае отсутствуют, поскольку судно выполняло рейс между иностранными портами и какой-либо товар (пассажиры, багаж) для выгрузки на территории Российской Федерации отсутствовал. Также материалами дела не подтверждается факт захода судна в российский порт для целей загрузки товара (пассажиров, багажа).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 30 сентября 2015 г. отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 23 ст. 4 ТК ТС припасы — это товары, необходимые для обеспечения нормальной эксплуатации и технического обслуживания водных судов, воздушных судов и поездов в пути следования или в пунктах промежуточной остановки либо стоянки, за исключением запасных частей и оборудования; предназначенные для потребления пассажирами и членами экипажей на борту водных судов, воздушных судов или пассажирами и работниками поездных бригад в поездах, независимо от того, продаются эти припасы или нет; предназначенные для продажи пассажирам и членам экипажей водных судов, воздушных судов без цели потребления указанных припасов на борту этих судов.

Частью 2 ст. 363 ТК ТС предусмотрено, что перемещение припасов через таможенную границу осуществляется без уплаты таможенных пошлин, налогов и без применения мер нетарифного регулирования.

В соответствии с правилом 15 главы 4 “Припасы” специального приложения J к Киотской конвенции средства водного транспорта и воздушным судам, отбывающим в конечный пункт назначения за рубежом, разрешается доставить на борт с освобождением от пошлин и налогов:

(а) припасы в количествах, которые таможенная служба признает обоснованными с учетом численности пассажиров и экипажа, продолжительности рейса или полета и любого количества таких припасов, уже имеющихся на борту; (б) припасы для потребления, необходимые для их эксплуатации и технического обслуживания, в количествах, признанных обоснованными для эксплуатации и технического обслуживания во время рейса или полета с учетом также любого количества таких припасов, уже имеющихся на борту.

Таким образом, законодательство не связывает право на декларирование товаров в режиме припасов с международным характером перевозки, начавшейся или закончившейся в Российской Федерации, либо фактами погрузки, выгрузки грузов на территории Таможенного союза. Определяющим условием освобождения припасов от таможенных пошлин и налогов является подтверждение того, что они необходимы для обеспечения нормальной эксплуатации и технического обслуживания судна в количествах, признанных обоснованными для эксплуатации и технического обслуживания в пути следования, т.е. не превышающих необходимого для выполнения рейсового задания минимума.

Такое регулирование обусловлено в том числе публичными интересами, состоящими в стимулировании захода иностранных судов в российские порты в целях бункеровки топливом. В данном случае баланс публичных интересов обеспечивается таможенным контролем за объемом приобретенного топлива.

Однако судами не было установлено, связан ли факт захода транзитного судна на рейд российского порта с получением топлива, в каком количестве обществом была осуществлена бункеровка топливом судна и не превышало ли это количество необходимый для выполнения рейсового задания минимум, как это предусмотрено главой 50 ТК ТС.

4. Соглашение стран Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. “О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности” и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная государствами — членами Содружества Независимых Государств в г. Минске 22 января 1993 г., регулируют международное сотрудничество при разрешении споров в государственных судах, а не в международных коммерческих арбитражах (третейских судах)

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 октября 2015 г. № 310-ЭС15-4266

(Извлечение)

Между обществом (продавцом) и компанией (покупателем) заключен внешнеэкономический контракт о поставке товара.

В связи с тем, что в нарушение условий контракта покупатель не оплатил поставленный ему товар, общество в соответствии с содержащейся в контракте третейской оговоркой обратилось с иском в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате (МКАС при ТПП) государства — участника СНГ.

Решением МКАС с компании в пользу общества взысканы стоимость поставленного по контракту товара и расходы по оплате арбитражного сбора.

Поскольку решение МКАС компанией добровольно исполнено не было, общество обратилось в суд с заявлением о его признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации.

Определением арбитражного суда первой инстанции заявленное требование общества удовлетворено. Решение МКАС признано и приведено в исполнение. Выдан исполнительный лист.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации решения МКАС отказано.

При этом суды, руководствуясь положениями ст. 241 АПК РФ, а также положениями Соглашения стран Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. “О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности” (далее — Киевское соглашение) и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной государствами — членами Содружества Независимых Государств в г. Минске 22 января 1993 г. (далее — Минская конвенция), пришли к выводу о том, что компания не была уведомлена обо всех стадиях арбитражного разбирательства в соответствии с положениями Киевского соглашения и Минской конвенции по порядку извещения ответчика (то есть посредством направления поручения об оказании правовой помощи через компетентные органы Российской Федерации).

Суды также указали, что справки и письма курьерской почты, копии авианакладных о своевременном и надлежащем извещении ответчика о времени и месте рассмотрения дела не могут заменить документ суда об извещении на указанную дату, поскольку иные требования об извещении установлены законом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 22 октября 2015 г. отменила судебные акты, принятые после направления дела на новое рассмотрение, и оставила в силе первоначальное определение суда первой инстанции, удовлетворившее требование, по следующим основаниям.

Признание и приведение в исполнение на территории Российской Федерации иностранных арбитражных решений (решений иностранных третейских судов) регулируется положениями Конвенции Организации Объединенных Наций

о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 году; ратифицирована 24 августа 1960 г., вступила в силу 22 ноября 1960 г.; далее — Нью-Йоркская конвенция), отдельных двусторонних международных договоров и российского законодательства (глава 31 АПК РФ).

В то же время положения Киевского соглашения и Минской конвенции применимы только к вопросам взаимного признания и приведения в исполнение решений иностранных государственных (а не третейских) судов, которые правомочны принимать решения, получающие силу закона и подлежащие принудительному исполнению на территории государства.

Так, согласно ст. 5 Киевского соглашения компетентные суды и иные органы государств — участников Содружества Независимых Государств обязуются оказывать взаимную правовую помощь.

Таким образом, нормы Соглашения регулируют международное сотрудничество при разрешении споров в государственных судах, а не при разрешении споров в международном коммерческом арбитраже — частном альтернативном средстве разрешения споров.

Следовательно, факт надлежащего извещения сторон о проведении третейского разбирательства необходимо проверять на основании положений Нью-Йоркской конвенции и Кодекса.

Так, согласно подп. “б” п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства того, что сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве.

Также согласно п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения является то, что сторона, против которой принято решение, не была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела или по другим причинам не могла представить в суд свои объяснения.

Названный факт был проверен судом первой инстанции при вынесении определения о признании и приведении в исполнение решения МКАС, который установил, что уведомление о проведении третейского разбирательства было своевременно и надлежащим образом направлено ответчику по адресу, указанному во внешнеэкономическом контракте.

В тексте решения МКАС указано, что повестка с указанием даты, времени, места рассмотрения дела, состава арбитражного суда, постановление о назначении единоличного арбитра были направлены ответчику курьерской почтой DHL по авианакладной и согласно письму курьерской почты DHL было вручено ответчику.

Также суд установил на основе исследования представленной истцом в материалы настоящего дела справки за подписью председателя МКАС, что ответчик был уведомлен обо всех стадиях арбитражного разбирательства, в том числе ему вручены: исковые материалы, Регламент и Список арбитров МКАС, направленные курьерской почтой по авианакладной; повестка с указанием даты, времени, места рассмотрения дела, состава арбитражного суда, постановление о назначении единоличного арбитра направлены курьерской почтой DHL по авианакладной; решение МКАС, направленное курьерской почтой по авианакладной. К справке приложены заверенные копии указанных авианакладных и писем курьерской почты.

Помимо этого, удовлетворив ходатайство ответчика, суд вызвал в судебное заседание для дачи пояснений физических лиц, указанных в справках курьерской почты DHL в качестве получателей корреспонденции ответчика по авианакладным, а также в качестве свидетеля суд вызвал курьера агентства DHL для дачи им пояснений по факту доставки судебных извещений ответчику.

Кроме того, в соответствии со ст. 66 АПК РФ суд истребовал от отделения почтовой связи сведения о лице, получившем почтовую корреспонденцию, адресованную компании, а также доверенность в отношении лица, получившего заказное письмо от имени компании.

На основе исследования всех указанных доказательств доводы ответчика о его ненадлежащем уведомлении были правильно признаны судом первой инстанции необоснованными.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 5.2.28.32 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437, приказ Минэкономразвития России от 5 июля 2010 г. № 270 “Об особенностях размещения заказа на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов и заключения договоров” признаны недействующими со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 июня 2015 г. № АКПИ15-404,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 октября 2015 г. № АПЛ15-379*

(Извлечение)

Постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 утверждено Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации (далее — Положение).

Согласно п. 5.2.28.32 Положения, действующего в редакции постановления Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 1052, Минэкономразвития России на основании и во исполнение

Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства РФ принимает нормативные правовые акты, в частности акт, определяющий особенности размещения заказа на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов и заключения договоров, предусмотренных ст. 19 Лесного кодекса РФ.

Минэкономразвития России 5 июля 2010 г. издало приказ № 270 “Об особенностях размещения заказа на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов и заключения договоров”, который зарегистрирован в Минюсте России 27 сентября 2010 г., опубликован в “Российской газете” 6 октября 2010 г. (далее — Приказ).

ФГКУ “УЛХиП” Минобороны России (прежнее наименование ФГКУ “Территориальное управление лесного хозяйства”) обратилось в Верховный Суд РФ с заявлением о признании недействующими п. 5.2.28.32 Положения и Приказа, ссылаясь на то, что оспариваемые положение и нормативный правовой акт противоречат действующему законодательству, а именно: ст. 19 Лесного кодекса РФ, ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, нарушают права и интересы заявителя в сфере осуществления деятельности по государственным закупкам работ и услуг.

Верховный Суд РФ 17 июня 2015 г. заявленные требования удовлетворил, указав следующее.

Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 27-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) и осуществления мероприятий по защите и воспроизводству лесов” ст. 19 Лесного кодекса РФ изложена в новой редакции. Согласно ч. 5 ст. 19 данного Кодекса при осуществлении закупок работ по охране, защите, воспроизводству лесов одновременно осуществляется продажа лесных насаждений для заготовки древесины в порядке, установленном Правительством РФ. В этих целях в контракт на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов включаются условия о купле-продаже лесных насаждений.

Во исполнение предписания федерального законодателя Правительство РФ издало постановление от 27 ноября 2014 г. № 1261, которым утвердило Положение о продаже лесных насаждений для заготовки древесины при осуществлении закупок работ по охране, защите и воспроизводству лесов. Названное Положение устанавливает порядок продажи лесных насаждений для заготовки древесины при осуществлении закупок работ по охране, защите и воспроизводству лесов, исходя из норм Лесного кодекса РФ и Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”.

Оспариваемым Приказом определена возможность заключения договоров на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов одновременно с продажей лесных насаждений для заготовки древесины на основе одного способа размещения заказов — путем проведения торгов в форме конкурса или аукциона с учетом положений Лесного кодекса РФ и Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ “О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд”, действовавших на момент издания оспариваемого нормативного правового акта.

Однако Федеральный закон “О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд” признан утратившим силу с 1 января 2014 г. в связи с принятием Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”. Регулируя отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, данный Федеральный закон предусматривает, что заказчики при осуществлении закупок используют конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) или осуществляют закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). Конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) являются конкурсы, аукционы, запрос котировок, запрос предложений (ст. 24).

Лесное законодательство не содержит указаний на необходимость установления особенностей размещения заказа на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов и заключения договоров, поэтому п. 5.2.28.32 Положения, устанавливающего компетенцию Минэкономразвития России на принятие такого акта, также не соответствует действующему законодательству. Участникам правоотношений в сфере закупок работ по охране, защите, воспроизводству лесов предписано руководствоваться порядком осуществления продажи лесных насаждений для заготовки древесины, установленным Правительством РФ.

Следовательно, оспариваемые положения нормативных правовых актов не соответствуют ни Лесному кодексу РФ, ни Федеральному закону “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, однако могут быть применены судами и иными правоприменительными органами, что создает правовую неопределенность относительно того, действуют или не действуют нормативные правовые акты, снижает уровень гарантий защиты прав и свобод. Как указал заявитель, Приказ не позволяет ФГКУ “УЛХиП” воспользоваться правом заключения договоров на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов с продажей лесных насаждений для заготовки древесины по результатам закупок, осуществляемых способами, предусмотренными действующим законодательством.

2. Пункт 9 Приложения к Правилам признания лица инвалидом, утвержденным постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2015 г. № АКПИ15-269, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 сентября 2015 г. № АПЛ15-348

3. Пункт 61.10 Правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна, утвержденных приказом Минсельхоза России от 21 октября 2013 г. № 385, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № АКПИ15-455, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 сентября 2015 г. № АПЛ15-345

4. Пункт 2 Типового договора о подключении (технологическом присоединении) к централизованной системе холодного водоснабжения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 645, в части слов “а в случае подключения (технологического присоединения) многоквартирного дома — до границы инженерно-технических сетей холодного водоснабжения, находящихся в данном многоквартирном доме” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 июня 2015 г. № АКПИ15-506, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № АПЛ15-375

5. Подпункт “к” п. 9 и п. 46 Правил поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 549, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 июня 2015 г. № АКПИ15-362, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 сентября 2015 г. № АПЛ15-346

6. Пункт 2.13 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре РФ, утвержденной приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 19 сентября 2007 г. № 17, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № АКПИ15-380, вступившее в законную силу

7. Пункты 10 и 11 Порядка выбора гражданином медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 26 апреля 2012 г. № 406н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 июня 2015 г. № АКПИ15-517,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2015 г. № АПЛ15-354*

8. Абзац 7 п. 24 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, утвержденного приказом МВД России от 7 августа 2013 г. № 605, абз. 6 п. 3, абз. 4 п. 51 Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 июня 2015 г. № АКПИ15-442,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2015 г. № АПЛ15-353*

9. Пункты 1, 2 и 5 раздела “Министерства, государственные комитеты, комитеты субъектов Российской Федерации, главные управления МЧС России по субъектам Российской Федерации, главные управления, управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям субъектов Российской Федерации, управления, отделы Государственной противопожарной службы в субъектах Российской Федерации” приложения № 9 к приказу МЧС России от 19 декабря 2011 г. № 762 “О размерах должностных окладов по нетиповым штатным должностям сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, применяемых при назначении (пересмотре) пенсий” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 26 июня 2015 г. № АКПИ15-471,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 октября 2015 г. № АПЛ15-412*

10. Пункт 116 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 июля 2015 г. № АКПИ15-544,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 октября 2015 г. № АПЛ15-411*

11. Пункт 1.1 Ветеринарно-санитарных правил сбора, утилизации и уничтожения биологических отходов, утвержденных Минсельхозпродом России 4 декабря 1995 г. № 13-7-2/469, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 июля 2015 г. № АКПИ15-592,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 октября 2015 г. № АПЛ15-429*

12. Список работ (профессий и должностей), с учетом которых назначается пенсия за выслугу лет рабочим и специалистам, работающим на отдельных видах судов морского, речного флота и флота рыбной промышленности, утвержденный постановлением Правительства РФ от 7 июля 1992 г. № 467, в части, предусматривающей перечень видов судов, с учетом работы на которых рабочим и специалистам всех профессий и должностей назначается пенсия за выслугу лет, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 июля 2015 г. № АКПИ15-507,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 22 октября 2015 г. № АПЛ15-414*

13. Пункт 2 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, в части распространения их действия на случаи ранее присоединенных энергопринимающих устройств, максимальная мощность которых увеличивается, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 июля 2015 г. № АКПИ15-499,
вступившее в законную силу*

14. Пункты 8, 9 и 15.1 Положения о порядке учета рабочего времени и времени отдыха лиц начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи, утвержденного приказом ГФС России от 17 августа 2009 г. № 264, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 июля 2015 г. № АКПИ15-572,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 10 ноября 2015 г. № АПЛ15-451*

15. Абзац 3 п. 4 Правил предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан и осуществления расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются указанные субвенции, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. № 861, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 июля 2015 г. № АКПИ15-590,
вступившее в законную силу*

16. Пункт 20 Инструкции об организации обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России, граждан, призванных на военные сборы, военнослужащих и сотрудников федеральной противопожарной службы, утвержденной приказом МЧС России от 5 июля 2011 г. № 340, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 10 июня 2015 г. № АКПИ15-393,
вступившее в законную силу*

17. Абзац 1 п. 28 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 июля 2015 г. № АКПИ15-658,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 октября 2015 г. № АПЛ15-428*

18. Пункт 32, подп. “в” п. 35 Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 июля 2015 г. № АКПИ15-618,
вступившее в законную силу*

19. Пункт 26 минимального перечня услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденного постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 290, в части, предусматривающей вывоз бытовых сточных вод из септиков, находящихся на придомовой территории, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 28 июля 2015 г. № АКПИ15-589,
вступившее в законную силу*

20. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2012 г. № 1213 “О требованиях к тахографам, категориях и видах оснащаемых ими транспортных средств, порядке оснащения транспортных средств тахографами, правилах их использования, обслуживания и контроля их работы”, приказы Минтранса России от 13 февраля 2013 г. № 36 “Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства” и от 21 августа 2013 г. № 273 “Об утверждении порядка оснащения транспортных средств тахографами” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 июля 2015 г. № АКПИ15-585,
вступившее в законную силу*

21. Подпункт “б” п. 23 Правил предоставления коммунальных услуг гражданам, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 307, подп. 2 п. 3 приложения № 2 к Правилам в части применения в расчетах ежемесячного размера платы за отопление в жилом помещении, оборудованном индивидуальными приборами учета, формулы 7 признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 июля 2015 г. № АКПИ15-676,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Тяжесть совершенного осужденным преступления, продолжительность отбытого наказания и возможность получения медицинской помощи по месту отбывания наказания не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания в связи с болезнью

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 11 августа 2015 г. № 11-УД15-31*

(Извлечение)

По приговору Верховного Суда Республики Татарстан от 8 мая 2013 г. У. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “в”, “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ст. 156 УК РФ. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний У. назначено шесть лет лишения свободы.

По постановлению Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 18 марта 2014 г. отказано в удовлетворении ходатайства осужденного об освобождении его от отбывания наказания в связи с болезнью. Судами апелляци-

онной и кассационной инстанций постановление оставлено без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного просил отменить судебные решения и освободить У. от отбывания наказания, поскольку тяжесть совершенного преступления, длительный срок неотбытого наказания и возможность получения медицинской помощи по месту отбывания наказания в виде лишения свободы не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания в связи с болезнью.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 августа 2015 г. кассационную жалобу адвоката удовлетворила, указав следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания.

Суд первой инстанции, изучив в том числе акт медицинского освидетельствования, установил, что осужденный страдает болезнью, входящей в утвержденный постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания.

Признав наличие у осужденного указанного заболевания, суд вместе с тем не усмотрел необходимости в его освобождении от отбывания наказания, сославшись на то, что необходимое лечение он получает и в условиях изоляции от общества. Обосновывая свой отказ в освобождении осужденного от отбывания наказания, суд указал, что У. совершено особо тяжкое преступление, представляющее повышенную опасность для общества, и что значительный срок назначенного наказания (четыре года семь месяцев девятнадцать дней) им еще не отбыт.

Между тем суд вправе отказать в освобождении осужденного от отбывания наказания лишь по тем основаниям, которые предусмотрены законом.

В законе не содержится указания на недопустимость освобождения от наказания по болезни ввиду того, что лицо осуждено за совершение особо тяжкого преступления или что оно не отбыло определенную часть назначенного ему наказания. По смыслу ст. 81 УК РФ при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с его болезнью, определяющее значение имеют не данные о совершенном осужденным преступлении, продолжительности отбытого им наказания или о его поведении в период отбывания наказания, а о наличии у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания.

Никакой оценки приведенному администрации исправительного учреждения выводу о том, что с учетом медицинского заключения У. может быть освобожден от дальнейшего отбывания наказания, в судебных решениях дано не было.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ состоявшиеся судебные решения отменила и на основании ч. 2 ст. 81 УК РФ освободила У. от дальнейшего отбывания наказания в связи с его болезнью.

2. Судья не может участвовать в производстве по уголовному делу при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, в частности, если является близким родственником прокурора, участвовавшего в производстве по данному делу

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 31 марта 2015 г. № 30-УД15-3*

(Извлечение)

По приговору Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 2 июня 2014 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) С. осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Постановлением президиума Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 18 декабря 2014 г. отменены состоявшиеся судебные решения, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение.

В кассационной жалобе потерпевшая просила об отмене постановления президиума суда, полагая, что оно не может быть законным, так как постановлено судьей, являющимся близким родственником прокурора, утвердившего обвинительное заключение по настоящему уголовному делу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 31 марта 2015 г. постановление президиума суда отменила, жалобу осужденного вместе с уголовным делом передала, изменив территориальную подсудность, для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции — президиума Ставропольского краевого суда по следующим основаниям.

В соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ судья, прокурор, следователь, дознаватель не может участвовать в производстве по делу, если он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному делу.

Из материалов уголовного дела усматривается, что обвинительное заключение по делу утверждено прокурором А.

Согласно материалам проведенной проверки одним из членов президиума Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики, которым в отношении С. были отменены приговор и апелляционное постановление, являлся судья А. — родной брат прокурора А.

В соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основания отмены либо изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и

(или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Таким нарушением, влекущим отмену судебного решения в любом случае, является вынесение решения незаконным составом суда.

Согласно требованиям п. 1 ч. 2 ст. 401³ УПК РФ жалоба на приговор районного суда, апелляционные постановления Верховного суда республики, вынесенные ими в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, подлежат рассмотрению президиумом Верховного суда республики. В данном случае кассационная жалоба осужденного подлежит рассмотрению президиумом Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики.

В связи с тем, что постановление президиума суда отменено и при этом имеются предусмотренные подп. “а” п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ основания для изменения территориальной подсудности дела, уголовное дело направлено для рассмотрения в кассационном порядке в президиум Ставропольского краевого суда.

3. Участие в составе коллегии присяжных заседателей лиц одного пола и возраста с потерпевшей само по себе не является основанием для признания тенденциозности ее состава

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 19 февраля 2015 г. № 65-АП/15-1СП*

(Извлечение)

По приговору суда Еврейской автономной области от 5 декабря 2014 г., постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 105, п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ.

К. признан виновным в совершении разбойного нападения, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, с применением предметов, используемых в качестве оружия, и убийстве, сопряженном с разбоем.

В апелляционной жалобе К. просил приговор отменить, указывая, что коллегия присяжных заседателей была сформирована из одних женщин предпенсионного возраста, что с учетом особенностей рассмотрения дела, по которому потерпевшая была пожилой женщиной, лишало коллегию присяжных способности вынести объективный вердикт.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 февраля 2015 г. приговор оставила без изменения, а апелляционную жалобу — без удовлетворения, указав следующее.

Под тенденциозностью состава коллегии присяжных заседателей следует понимать случаи, когда при соблюдении положений закона о порядке ее формирования тем не менее имеются основания полагать, что образованная по конкретному уголовному делу коллегия не способна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт.

Как следует из протокола судебного заседания, сторона защиты, заявляя о тенденциозности коллегии присяжных заседателей, указала на то, что потерпевшая была пенсионеркой, а в состав коллегии вошли женщины, большинство из которых достигли пенсионного возраста.

Отказывая в удовлетворении ходатайства о роспуске коллегии присяжных заседателей, председательствующий в соответствии со ст. 330 УПК РФ правильно признал заявление защиты о тенденциозности ее состава необоснованным.

Из материалов уголовного дела усматривается, что в состав коллегии присяжных заседателей вошли женщины разного возраста. При этом присяжные заседатели, достигшие пенсионного возраста, не составляли в ней большинство. Также эти лица не были в большинстве и при вынесении вердикта, поскольку двое из них являлись запасными присяжными заседателями.

Учитывая изложенное, участие в составе коллегии присяжных заседателей лиц одного пола и возраста с потерпевшей не может ставить под сомнение способность коллегии вынести объективный вердикт.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Преподаватели военных профессиональных образовательных организаций при обеспечении жилым помещением имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы в должности преподавателя

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2015 г. № 202-КГ15-9*

(Извлечение)

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 15 января 2015 г. отменено решение 224 гарнизонного военного суда от 7 октября 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления Г., в котором он просил признать незаконным решение заместителя начальника ФГКУ “Западрегионжилье” от 21 мая 2014 г. об отказе в предоставлении распределенной квартиры. По делу принято новое решение — об удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе представитель заинтересованного лица просил апелляционное определение отменить, оставить в силе решение суда первой инстанции. В обоснование он указал, что Г. с декабря 2010 г. замещал воинскую должность в военно-морской академии, которая была отнесена к преподавательским должностям. Однако с августа 2011 г. заявитель, имевший воинское звание ниже полковника и на момент распределения ему в 2013 году жилого помещения зачисленный в распоряжение, каких-либо обязанностей, связанных с преподавательской деятельностью, не выполнял, в связи с чем он не имел пра-

ва на получение жилого помещения по договору социального найма с учетом дополнительной площади как преподаватель военно-учебного заведения.

Рассмотрев материалы административного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 15 сентября 2015 г. жалобу удовлетворила, указав следующее.

Согласно ст. 328 Кодекса административного судопроизводства РФ основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что капитан 2 ранга Г. приказом начальника военно-учебного заведения от 31 августа 2011 г. в связи с организационно-штатными мероприятиями освобожден от занимаемой воинской должности преподавателя и зачислен в распоряжение для последующего увольнения с военной службы после обеспечения жильем для постоянного проживания.

Решением заместителя начальника ФГКУ “Западрегионжилье” от 21 мая 2014 г. заявителю отказано в предоставлении распределенной в декабре 2013 г. двухкомнатной квартиры в г. Санкт-Петербурге общей площадью 57,6 кв.м в связи с отсутствием у него права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Принимая по делу новое решение об удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции исходил из того, что заявитель, признанный нуждающимся в жилом помещении, в период исполнения обязанностей преподавателя был вправе претендовать на получение жилья с учетом дополнительной общей площади. Поскольку это право им не было реализовано, а последующее прохождение военной службы не на воинской должности обусловлено объективным фактором — проведением организационно-штатных мероприятий, заявитель сохранил право на дополнительную площадь жилого помещения и после зачисления в распоряжение.

Такие выводы основаны на неправильном толковании норм материального права.

Согласно п. 2 ст. 15¹ Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” военнослужащий, имеющий воинское звание полковник, ему равное и выше, проходящий военную службу либо уволенный с военной службы по достижении им предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, командир воин-

ской части, военнослужащий, имеющий почетное звание Российской Федерации, военнослужащий — преподаватель военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, военнослужащий — научный работник, имеющий ученую степень и (или) ученое звание, при предоставлении им жилого помещения, в том числе служебного жилого помещения, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 кв.м.

Аналогичные положения применительно к военнослужащим — преподавателям военных профессиональных образовательных организаций или военных образовательных организаций высшего образования содержались в п. 8 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в редакции Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ, действовавшей на момент распределения заявителю указанной квартиры.

Содержание названных правовых норм указывает на то, что преподаватели военных профессиональных образовательных организаций — в отличие от офицеров в воинских званиях полковник, ему равном и выше — при обеспечении жилым помещением имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы в должности преподавателя.

Поскольку после зачисления в распоряжение Г. преподавателем быть перестал, а право на дополнительную жилую площадь реализуется при предоставлении жилого помещения, вывод суда апелляционной инстанции о наличии у заявителя права на обеспечение его жильем с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения не основан на законе.

К тому же заявитель зачислен в распоряжение в связи с невозможностью увольнения с военной службы до обеспечения жильем, а не для решения вопроса о дальнейшем прохождении военной службы.

Таким образом, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о законности решения заместителя начальника ФГКУ “Западрегионжилье” от 21 мая 2014 г. об отказе Г. в предоставлении жилого помещения по договору социального найма с учетом права на дополнительную площадь.

Вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном толковании норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 15 января 2015 г. и оставила в силе решение 224 гарнизонного военного суда от 7 октября 2014 г.

2. В том случае, если военнослужащий реализовал свое право на жилое помещение по договору социального найма в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, его последующее обеспечение жилым помещением может осуществляться в общем порядке согласно нормам Жилищного кодекса РФ

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20 августа 2015 г. № 204-КГ15-10

(Извлечение)

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 6 ноября 2014 г. отменено решение Челябинского гарнизонного военного суда от 30 мая 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления Ю., в котором он просил признать незаконным утвержденное командиром воинской части решение жилищной комиссии об исключении заявителя из числа нуждающихся в улучшении жилищных условий.

По делу принято новое решение об удовлетворении заявления, решение жилищной комиссии признано незаконным и на комиссию возложена обязанность по рассмотрению вопроса о включении Ю. и членов его семьи в списки нуждающихся в получении жилого помещения.

В кассационной жалобе представитель командира воинской части, утверждая о правомерном исключении заявителя из числа нуждающихся в жилом помещении ввиду незаконной постановки его на жилищный учет в ноябре 2004 г., просил апелляционное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 11 августа 2015 г. апелляционное определение отменила, указав следующее.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, которые выразились в следующем.

Из материалов дела следует, что Ю. в период прохождения военной службы с августа 1988 г. по ноябрь 1992 г. за счет средств федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, был обеспечен в марте 1992 г. по установленным нормам жилым помещением для постоянного проживания, которое после расторжения брака он оставил бывшей супруге и сыну, отказавшись от приватизации квартиры, а затем выехал из нее в январе 1995 г.

После заключения нового брака Ю. в марте 2003 г. был вселен супругой в качестве члена семьи в квартиру, находящуюся в муниципальной собственности.

В феврале 2003 г. заявитель поступил на военную службу по контракту, которую проходил до увольнения в отставку по состоянию здоровья в апреле 2014 г.

В период прохождения военной службы Ю. решением жилищной комиссии воинской части от 14 апреля 2004 г. был признан нуждающимся в улучшении жилищных условий ввиду обеспеченности жилой площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы. Однако после выявления факта обеспеченности заявителя жилым помещением он был снят с жилищного учета решением жилищной комиссии от 26 марта 2014 г., утвержденным в тот же день командиром воинской части.

Отказывая в удовлетворении заявления, гарнизонный военный суд исходил из того, что Ю. распорядился ранее полученным от государства жилым помещением и не может его сдать, что лишает заявителя права на повторное обеспечение жильем в порядке, установленном Федеральным законом “О статусе военнослужащих”.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое — об удовлетворении заявления, окружной военный суд счел ошибочным вывод гарнизонного военного суда о необходимости сдачи заявителем ранее полученного от государства жилья, поскольку в связи с расторжением брака и последующим снятием с регистрационного учета он утратил право не только проживания, но и пользования этим жилым помещением.

Такой вывод суда апелляционной инстанции не соответствует обстоятельствам дела и не основан на законе.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” во взаимосвязи с подп. “д” п. 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 сентября 1998 г. № 1054, право на жилищное обеспечение военнослужащих, признанных в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляется за счет государства один раз.

Кроме того, согласно п. 5 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

В связи с изложенным правильным является вывод гарнизонного военного суда о том, что в том случае, если военнослужащий реализовал

свое право на жилое помещение по договору социального найма в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, и не может представить документы о его освобождении, повторное обеспечение такого военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам Жилищного кодекса РФ с учетом ранее полученного жилого помещения от федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Такие разъяснения законодательства даны в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”.

При таких данных утрата Ю. права пользования жилым помещением, предоставленным ему в период прохождения им военной службы с августа 1988 г. по ноябрь 1992 г., обусловленная отказом заявителя от приватизации квартиры и добровольным выездом из нее, т.е. причинами, связанными с его волеизъявлением, не свидетельствует о наличии у него права на повторное обеспечение жильем за счет государства.

Что касается расторжения заявителем брака, то это обстоятельство, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, само по себе не свидетельствует об утрате Ю. на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ права пользования жилым помещением, поскольку, давая согласие на его приватизацию, без которого она в силу ст. 2 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” была бы невозможна, заявитель исходил из того, что право пользования данным жилым помещением для него будет носить бессрочный характер и, следо-

вательно, оно должно учитываться при переходе права собственности на жилое помещение по соответствующему основанию к другому лицу.

Из изложенного следует, что положения ч. 4 ст. 31 ЖК РФ не распространяются на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица, к которым относится заявитель, имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим.

Таким образом, Ю. не мог быть признан нуждающимся в жилом помещении исходя из обеспеченности его жильем за счет государства по установленным нормам. Другие основания признания заявителя нуждающимся в жилом помещении, предусмотренные ст. 51 ЖК РФ, по делу не установлены.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ граждане снимаются с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в случае выявления правонарушений должностных лиц органа, осуществляющего принятие на учет, при решении вопроса о принятии на учет.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции, признавая законным решение жилищной комиссии об исключении заявителя из числа нуждающихся в улучшении жилищных условий, пришел к правильному выводу о том, что Ю. и члены его семьи не имеют права на восстановление в списках нуждающихся в жилом помещении по договору социального найма, а вывод суда апелляционной инстанции об обратном не основан на законе.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение Уральского окружного военного суда от 6 ноября 2014 г. и оставила в силе решение Челябинского гарнизонного военного суда от 30 мая 2014 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Тяжесть и характер совершенного осужденным преступления не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в ст. 79 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания

*Постановление президиума
Брянского областного суда
от 1 апреля 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Останкинского районного суда г. Москвы от 30 января 2012 г. К. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ (два преступления). На ос-

новании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений К. путем частичного сложения наказаний К. назначено четыре года лишения свободы.

Постановлением Клиновского городского суда Брянской области от 21 марта 2014 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) К. отказано в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 20 февраля 2015 г. кассационная жалоба К. вместе с материалом передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Брянского областного суда.

В кассационной жалобе К. просил удовлетворить его ходатайство, поскольку суд был не вправе обосновывать решение об отказе тяжестью совершенных в составе организованной группы преступлений.

Президиум Брянского областного суда 1 апреля 2015 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд первой инстанции принял во внимание общественную опасность совершенных в составе организованной группы тяжких преступлений, в особо крупном размере. А также указал в постановлении, что “несмотря на положительную характеристику из исправительного учреждения, с учетом данных о личности осужденного, достаточных оснований полагать, что К. исправился и может быть условно-досрочно освобожден, в настоящее время не имеется”.

Представитель администрации исправительного учреждения в судебном заседании поддержал ходатайство осужденного, полагая, что тот для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания не нуждается.

Суд признал за гражданскими истцами право на удовлетворение гражданских исков к соучастнику преступлений Б. и передал вопрос о размере возмещения гражданских исков для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Гражданскими истцами требования к К. о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, в суде первой инстанции не предъявлялись, в исправительное учреждение исполнительные листы не направлялись.

С учетом этого обстоятельства указание суда апелляционной инстанции об отсутствии данных о частичном или полном возмещении К. причиненного ущерба не соответствует исследованным судом материалам.

Судом не приведены данные, отрицательно характеризующие К. и указывающие на то, что он не встал на путь исправления.

Таким образом, с учетом положительной характеристики осужденного, его добросовестного отношения к труду, наличия поощрений, отсутствия взысканий, а также мнения представителя исправительного учреждения о том, что К. для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, постановление суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства К. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания не является законным.

На основании изложенного президиум Брянского областного суда постановление суда от 21 марта 2014 г. и апелляционное постановление в отношении К. отменил, материалы направил на новое судебное рассмотрение в тот же суд¹.

¹По постановлению Клинцовского городского суда Брянской области от 12 мая 2015 г. К. от отбывания оставшейся части наказания освобожден условно-досрочно на восемь месяцев семнадцать дней.

2. Позиция защитника, выраженная им в прениях сторон вопреки воле подзащитного, признана нарушением права на защиту

*Постановление президиума
Волгоградского областного суда
от 1 июля 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Советского районного суда г. Волгограда от 20 июня 2011 г. (оставленному без изменения судом кассационной инстанции в порядке главы 45 УПК РФ) Р. осужден по п. “а” ч. 2 ст. 126 УК РФ, по ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы.

По делу также осуждено другое лицо.

Р. признан виновным в похищении потерпевшего, совершенном группой лиц по предварительному сговору, и в его убийстве.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. кассационная жалоба осужденного передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Волгоградского областного суда.

В кассационной жалобе Р. просил отменить приговор, поскольку при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции было нарушено его право на защиту.

Президиум Волгоградского областного суда 1 июля 2015 г. состоявшиеся судебные решения отменил, передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

По смыслу ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, занимать по делу позицию и действовать вопреки воле подзащитного, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора доверителя.

В суде первой инстанции подсудимый вину в совершении преступления, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 126 УК РФ, не признал, по ч. 1 ст. 105 УК РФ вину признал частично, но впоследствии заявил, что убийство не совершал, а виновен в нанесении побоев, от которых не могла наступить смерть потерпевшего.

Между тем адвокат, осуществлявший защиту Р. в суде первой инстанции, в прениях сторон вопреки позиции подзащитного указал на противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для его похищения и нанесения телесных повреждений, повлекших смерть. При этом защитник просил суд квалифицировать действия Р. по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

При таких обстоятельствах доводы осужденного о нарушении его права на защиту признаны обоснованными, поскольку адвокат, по существу выступив против воли подзащитного, не выполнил свои обязанности, связанные с представлением интересов подзащитного в судебном заседании.

Указанное нарушение в силу п. 4 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ является безусловным основанием к отмене приговора.

3. Суд апелляционной инстанции не вправе отменить оправдательный приговор и постановить обвинительный приговор. Отменяя оправдательный приговор по основаниям, влекущим ухудшение положения оправданного, суд апелляционной инстанции определением (постановлением) передает уголовное дело на новое судебное разбирательство

*Постановление президиума
Камчатского краевого суда
от 3 июня 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 16 Камчатского края от 4 октября 2013 г. Щ. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Петропавловск-Камчатским городским судом Камчатского края 2 декабря 2013 г. отменен оправдательный приговор, Щ. признан виновным по ч. 1 ст. 116 УК РФ и освобожден от назначенного наказания в виде штрафа на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. кассационная жалоба защитника в интересах осужденного передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Камчатского краевого суда.

В кассационной жалобе защитник просил отменить приговор и уголовное дело в отношении Щ. прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Президиум Камчатского краевого суда 3 июня 2015 г. апелляционный приговор отменил и уголовное дело передал в суд апелляционной ин-

станции на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 389²⁴ УПК РФ оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого.

Суд апелляционной инстанции отменил оправдательный приговор мирового судьи и в нарушение указанных требований закона постановил в отношении Щ. обвинительный приговор.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 “О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции”, в силу положений ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также по смыслу ч. 2 ст. 389²⁴ УПК РФ суд апелляционной инстанции не вправе отменить оправдательный приговор и постановить обвинительный приговор. Отменяя оправдательный приговор по основаниям, влекущим ухудшение положения оправданного, суд апелляционной инстанции определением (постановлением) передает уголовное дело на новое судебное разбирательство.

При таких обстоятельствах обвинительный приговор суда апелляционной инстанции является незаконным.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2015)¹

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3—33). Согласно пункту “b” части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении уголовных,

гражданских дел, дел по экономическим спорам, а также дел об административных правонарушениях учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека²

Сообщение: Бахытжан Торегожин против Республики Казахстан. Сообщение № 2137/2012. Соображения приняты Комитетом 21 октября 2014 г.

¹Окончание. Начало см. в № 3, 2016 г.

²Комитет по правам человека (далее — Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Тема сообщения: арест, признание виновной в административном правонарушении и наложение штрафа за проведение массового художественного мероприятия (арт-моба).

Вопросы существа: произвольное задержание; свобода передвижения; свобода выражения мнений; свобода ассоциации.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что для соответствия п. 1 ст. 9 Пакта арест должен быть не только законным, но и обоснованным и необходимым в любых обстоятельствах¹ (п. 7.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 34, в котором он, в частности, указал, что свобода выражения мнений имеет ключевое значение и является основополагающим элементом любого свободного и демократического общества². Он отмечает, что в п. 3 ст. 19 Пакта предусматривается наложение ограничений на свободу выражения мнений, в том числе на свободу распространять информацию и идеи, но только в той степени, в которой они установлены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; или б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. И наконец, любое ограничение свободы выражения мнений не должно быть слишком широким по характеру, т.е. оно должно являться наименее ограничительной мерой, с помощью которой может быть обеспечена соответствующая защитная функция, и быть соразмерным защищаемому интересу³ (п. 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких пояснений относительно того, почему арест автора, произведенный на основании положений Административно-процессуального кодекса, был разумным и необходимым. Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало необходимости задержания автора. В данных обстоятельствах Комитет приходит к выводу, что задержание автора не имело разумных оснований и явилось нарушением п. 1 ст. 9 Пакта (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что факт задержания автора и наложения на нее крупного штрафа вызывает серьезные сомнения относительно необходимости и пропорциональности ограничений, наложенных на права автора. Комитет отмечает, что государство-участник не привело каких-либо конкретных обоснований необходимости ограничений, которые были наложены на автора, как это требуется в п. 3 ст. 19 Пакта⁴. Кроме того, государство-участник не подтвердило, что избранные меры являлись наименее ограничительными по характеру или соразмерными защищаемому интересу. Исходя из обстоятельств дела, Комитет считает, что, хотя указанные ограничения были наложены на автора на основе внутреннего законодательства, их оправданность и пропорциональность, требуемые по условиям п. 3 ст. 19 Пакта, продемонстрировать не удалось. Поэтому

¹См. сообщения № 305/1988, *Ван Альфен против Нидерландов*, Соображения от 23 июля 1990 г., п. 5.8; № 631/1995, *Спакмо против Норвегии*, Соображения от 5 ноября 1999 г., п. 6.3.

²См. Замечание общего порядка № 34 (2011) Комитета, касающееся свободы мнений и их выражения, п. 2.

³Там же, п. 34.

⁴См. сообщение № 1604/2007, *Залесская против Беларуси*, Соображения от 28 марта 2011 г., п. 10.5.

он приходит к выводу, что права автора по п. 2 ст. 19 Пакта были нарушены⁵ (п. 7.5 Соображений).

Относительно жалобы автора в связи со ст. 21 Пакта Комитет считает, что государство-участник не подтвердило, что ограничения, наложенные на права автора, а именно задержание автора и наложение на нее крупного штрафа, являлись необходимыми с точки зрения интересов государственной безопасности или общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения, либо защиты прав и свобод других лиц. Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты также свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных ст. 21 Пакта⁶ (п. 7.2 Соображений).

Выводы Комитета. В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, в том числе пересмотр вынесенного ей обвинительного приговора⁷ и выплату надлежащей компенсации, включая возмещение понесенных судебных издержек. Наряду с этим государство-участник обязано предотвращать совершение аналогичных нарушений в будущем. Государству-участнику следует пересмотреть свое законодательство — в частности Закон о порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан, поскольку в данном случае применялся именно этот закон, — чтобы обеспечить всестороннее осуществление в государстве-участнике тех прав, которые предусмотрены ст.ст. 19 и 21 Пакта (п. 9 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Библейский Центр Чувашской Республики против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2014 г.

Организация-заявитель жаловалась в соответствии со ст.ст. 9 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) на ограничение права обучать своих последователей и решение о ее ликвидации.

Европейский Суд установил, что “...статья 14 закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” предусматривает, что единственной санкцией, которую российские суды могут использовать в отношении религиозных организаций, нарушающих закон, является принудительная ликвидация. Закон не предусматривает возможности выдачи предупреждения или наложения штрафа. Решение о ликвидации можно было бы применять без разбора, независимо от тяжести нарушения. Вынося решение о ликвидации организации-заявителя, российские суды не обратили внимания на судебную практику Конституционного Суда или соответствующие нормы Конвенции и их решения не включали анализа влияния ликвидации организации-заявителя на фундаментальные права верующих пятидесятников. Таким образом, их постановления положили конец существованию давно функционировавшей религиозной организации и представляют собой наиболее жесткую форму вмешательства, которая не может рассматриваться как соразмерная любым преследуемым законным целям” (п. 61 постановления).

⁵См. сообщения № 927/2000, *Светик против Беларуси*, Соображения от 8 июля 2004 г., п. 7.3; № 1009/2001, *Шетко против Беларуси*, Соображения от 11 июля 2006 г., п. 7.5.

⁶См. *Залесская против Беларуси*, п. 10.6.

⁷Речь идет о привлечении заявительницы к административной ответственности (п. 2.2 Соображений).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 9 Конвенции, толкуемой в свете ст. 11 Конвенции.

Примов и другие против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2014 г.

Заявители жаловались на то, что отказ органов власти согласовать время и место проведения митинга 25 апреля 2006 г., насильственный разгон публичного мероприятия и задержание троих заявителей являются нарушением их прав на свободу выражения мнения и свободу собраний и объединений.

Европейский Суд установил, что "...решение разогнать митинг просто потому, что некоторые его участники ранее проявляли агрессивное поведение, было бы неверным. Изначально публичное мероприятие должно было носить мирный характер... Отказ районной администрации согласовать время и место проведения публичного мероприятия не относился к насильственному характеру митинга... Органы власти мобилизовали большое число хорошо экипированных и обученных сотрудников милиции в селе, и, по мере развития событий, милиция взяла ситуацию в селе под контроль... милиция препятствовала входу протестующих в село и проведению митинга в сущности потому, что считала, что митинг был "несанкционированным", однако причины, побудившие районную администрацию не согласовывать проведение митинга, были либо неубедительными, либо не имели четкой юридической основы" (п. 152 постановления).

Имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...значительная часть митингующих переступила границу мирного протеста, напала на представителей органов правопорядка с камнями, палками, прутьями и ножами и серьезно ранила нескольких из них. В этом контексте применение специальных средств и даже огнестрельного оружия милицией не кажется необоснованным. Даже если некоторые сотрудники милиции действовали непрофессионально и в нарушение правил применения пусковых систем газовых гранат, доказательства произвольного применения огнестрельного оружия для убийства или ранения протестующих отсутствуют" (п. 162 постановления).

В контексте ст. 11 Конвенции Суд пришел к выводу, что общая реакция органов власти на блокирование дороги и агрессивное поведение большой группы протестующих не была несоразмерной и, соответственно, отсутствует нарушение ст. 11 Конвенции в данном аспекте.

Европейский Суд также не нашел нарушения ст. 11 Конвенции в связи с жалобой первого заявителя на его задержание.

Суд отметил, что "...органы власти имели основания подозревать заявителя в подстрекательстве толпы к нападению на милицию, что решение о его задержании и постановление о содержании заявителя под стражей были вынесены ввиду необходимости дальнейшего расследования его роли в событиях" (п. 164 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "...статья 11 не обеспечивает иммунитет от судебного преследования за насильственные действия во время публичных мероприятий, особенно в случаях, когда характер насилия является значительным, как в настоящем деле. Отсутствуют доказательства того, что органы власти действовали недобросовестно, длительность содержания под стражей в ходе предварительного следствия (два месяца), по-видимому, является обоснованной, учитывая сложность дела... тот факт, что заявитель был в итоге освобожден и предъявленные ему обвинения сняты за отсутствием достаточных улик его участия в насильственных действиях, является показателем же-

лания органов власти установить истину" (п. 165 постановления).

Крупко и другие против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 июня 2014 г.

Заявители жаловались, что их задержание и содержание под стражей не имели достаточных оснований и нарушали ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...заявители не были официально признаны подозреваемыми или обвиняемыми в совершении правонарушения и против них не было возбуждено никакого уголовного или административного производства... не было составлено никаких протоколов об административном правонарушении, задержании или аресте... задержание заявителей не могло быть произведено "с тем, чтобы они предстали перед компетентным органом по обоснованному обвинению в совершении правонарушения" в значении подпункта (с) п. 1 ст. 5. Следовательно, лишение свободы, которому были подвергнуты заявители, не имело каких-либо законных целей согласно п. 1 ст. 5 и было произвольным" (п. 40 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 5 Конвенции.

Заявители также жаловались, что досрочное прекращение их религиозного собрания в связи с прибытием милиции являлось нарушением ст.ст. 5, 8, 9, 10 и 11 Конвенции, по отдельности и во взаимосвязи со ст. 14 Конвенции. Однако Европейский Суд отметил, что если характер собрания изначально является религиозным, как это и было в настоящем деле, когда заявители собрались на богослужение, жалоба о прерывании собрания должна рассматриваться только с точки зрения ст. 9 Конвенции (п. 42 постановления).

Суд установил, что "...рассматриваемое собрание не являлось шумным мероприятием, а представляло собой спокойную религиозную церемонию, проводимую в актовом зале, которая не нарушала общественный порядок и не представляла для него никакой опасности. Вмешательство вооруженных отрядов милиции в значительном количестве с целью прервать церемонию, даже если органы власти были убеждены, что отсутствие предварительного уведомления делало такое собрание незаконным, за которым последовали задержание заявителей и их трехчасовое содержание в отделении милиции, были несоразмерными цели защиты общественного порядка" (п. 56 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 9 Конвенции.

Коновалова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 г.

Заявительница жаловалась на нарушение ст. 8 Конвенции в связи с незаконным присутствием студентов-медиков во время ее родов.

Суд обратил внимание на то, что "уведомление, на которое ссылалась больница в рамках судебного разбирательства на национальном уровне, содержало весьма расплывчатое указание на участие студентов в "процессе обучения" без указания конкретных рамок и степени такого участия. Более того, информация была представлена таким образом, что предполагался обязательный характер участия, и, как представляется, заявительнице не предоставлялось выбора относительно того, отказываться или не отказываться от участия студентов... При таких обстоятельствах трудно утверждать, что заявительница получила заблаговременное уведомление о такой организации процесса и могла предвидеть его конкретные последствия" (п. 46 постановления).

Суд установил, "что заявительнице было сообщено о присутствии студентов-медиков на родах только за день до родов, между двумя периодами медикаментоз-

ного сна, когда она уже на протяжении определенного времени находилась в состоянии сильного стресса и утомления вследствие длительных родовых схваток... Неясным остается то, предоставлялся ли заявителнице выбор относительно участия студентов при родах и была ли она, с учетом сложившихся обстоятельств, в состоянии принимать осмысленное обоснованное решение” (п. 47 постановления).

Суд также отметил, что “действовавшие правовые положения не регулировали данный вопрос в достаточно подробной степени и не требовали получения больницей согласия заявительницы... Несмотря на то, что национальные суды постановили, что в соответствии с действовавшим на текущий момент национальным законодательством письменное согласие не требовалось, они сочли, что было дано молчаливое согласие... Даже если указанное решение как-то повлияло на исход дела на национальном уровне, оно не заслуживает доверия, поскольку суды просто положились на заявления врача, без проведения опроса таких свидетелей, как принимавшие участие в родах медицинский персонал и студенты... Еще более важным является тот факт, что национальные суды не учли другие сопутствующие обстоятельства дела, такие, как предполагаемая недостаточность информации, содержащейся в уведомлении больницы, уязвимое состояние заявительницы при получении уведомления, на что Суд уже указывал ранее, а также наличие каких-либо альтернативных вариантов организации на случай, если бы заявительница решила отказаться от присутствия студентов при родах...” (п. 48 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что присутствие студентов-медиков при родах заявительницы не соответствовало требованиям законности по смыслу п. 2 ст. 8 Конвенции ввиду отсутствия в национальном праве на момент рассматриваемых событий достаточных процессуальных гарантий защиты от произвольного вмешательства в права заявительницы, закрепленные в ст. 8 Конвенции.

Ворожба против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявитель жаловалась, что национальными органами власти не было исполнено судебное решение об определении места жительства ее дочери с заявительницей.

Европейский Суд отметил, что “...национальное законодательство предоставляет определенные полномочия органам власти, уполномоченным осуществлять розыск должников в рамках исполнительного производства... Федеральная пограничная служба имеет право передавать лиц, разыскиваемых за неисполнение решения, правоохранительным органам и что, в свою очередь, сотрудники полиции имеют право доставлять таких граждан в служебные помещения полиции, рассматривать вопрос об их возможном задержании, уведомлять службу судебных приставов и даже заключать таких лиц под стражу на время, необходимое для их перевода в службу судебных приставов” (п. 89 постановления).

Суд также установил, что “...органы власти, уполномоченные обеспечить исполнение решения, не представили доказательств своих усилий, приложенных с целью добиться от [бывшего супруга заявительницы] исполнения своего обязательства, в случае необходимости, в достаточной степени систематически или даже более жесткими принудительными мерами” (п. 93 постановления).

Европейский Суд отклонил аргументы властей о том, что “...решение [районного суда, определившее место жительства дочери заявителя] не заключало в себе никакого обязательства для отца передать ребенка заявителю и что, следовательно, оно было неисполни-

мым. В ходе исполнительного производства служба судебных приставов не поднимала вопрос о недостаточной ясности решения. Решение было достаточно четким, на взгляд службы судебных приставов, как для возбуждения исполнительного производства, так и для его исполнения в итоге без дополнительных уточнений” (п. 96 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные органы власти не приняли в настоящем деле все меры, которые могли в разумной мере требоваться от них в целях содействия исполнению решения, вынесенного в пользу заявителя, и, следовательно, имело место нарушение ст. 8 Конвенции.

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Кесматулла Хакдар против Российской Федерации*. Сообщение № 2126/2011. Соображения приняты Комитетом 17 октября 2014 г.

Тема сообщения: возможная депортация автора в Афганистан после отказа в предоставлении убежища.

Вопросы существа: применение пыток; право на защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принял к сведению сообщение автора относительно того, что в случае возвращения в Афганистан ему, как бывшему комбатанту просоветского режима, сражавшегося с моджахедами, угрожает опасность самосуда со стороны боевиков Талибана; что автор прожил более 20 лет за пределами государства происхождения, больше не имеет там никаких связей, что полностью лишает его поддержки и подвергает опасности нападения; а также что район происхождения автора, как сообщается, все больше выходит из сферы влияния центрального правительства и находится в руках Талибана (п. 11.2 Соображений).

Комитет отмечает, что имеющиеся у него материалы указывают на то, что при рассмотрении утверждений автора властями государства-участника большое значение было придано тому факту, что на него не распространяется внутреннее законодательство, регулирующее статус беженца, и что, как представляется, конкретные права автора по Пакту не были в достаточной мере учтены¹. Комитет отмечает, что государство-участник в своих сообщениях лишь указывает, что автор покинул свою страну происхождения по экономическим причинам, но при этом не проводит оценки существующей угрозы применения в отношении него пыток в случае возвращения в Афганистан. При всем уважении к полномочиям иммиграционных властей оценивать предоставленные им свидетельства Комитет считает, что в данном случае следует провести дополнительный анализ. В отсутствие представления государством-участником информации, свидетельствующей о проведении тщательной оценки заявлений автора о том, что он может подвергнуться пыткам в случае принудительного возвращения в Афганистан, Комитет считает, что вынесение и приведение в исполнение решения о депортации автора явилось бы нарушением ст. 7 Пакта (п. 11.4 Соображений).

Выводы Комитета. В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано

¹См., например, сообщение № 1544/2007, *Хамида против Канады* (пп. 8.3, 8.4 и 8.6).

обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая повторное рассмотрение в полном объеме утверждений автора об угрозе подвергнуться пыткам, с учетом обязательств государства-участника по Пакту. Государство-участник также обязано не подвергать других лиц подобным рискам нарушения их прав (п. 13 Соображений).

Сообщение: *Б.Л. против Австралии*. Сообщение № 2053/2011. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: депортация в Сенегал.

Вопросы существа: право на жизнь; право на защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; право на свободу мысли, совести и религии.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 31, в котором он отмечает обязательство государства-участника не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять иным образом лицо со своей территории, когда имеются существенные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого, как вред, предусмотренный в ст.ст. 6 и 7 Пакта¹. Комитет напоминает, что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников² (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что в результате его перехода из ислама в христианство в 1994 году в случае его возвращения в Сенегал он подвергнется физическому насилию или может быть убит членами “Братства мюридов” или членами собственной семьи. Комитет отмечает заявление автора о том, что в ноябре 1994 г. его родственники напали на него и угрожали принятием против него фетвы “Братством мюридов” и что после того, как он пытался скрыться в г. Каолак, его родственники и другие члены “Братства мюридов” нашли и жестоко избили его. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что в Сенегале у него нет возможности получить государственную защиту. Комитет отмечает информацию о том, что, несмотря на признание достоверными большинства представленных фактических сведений по этому делу Судом по пересмотру решений, касающихся беженцев, он счел неубедительным утверждение автора о том, что ему угрожает опасность со стороны “Братства мюридов”, и пришел к выводу о том, что в Сенегале у автора есть возможность получить надлежащую государственную защиту (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что ходатайство автора о получении статуса беженца было тщательно изучено властями государства-участника, которые пришли к выводу о том, что у автора нет веских оснований опасаться преследований. Автор не пытался добиться судебного пересмотра решения об отказе в удовлетворении его ходатайства Суда по пересмотру решений, касающихся беженцев,

и не заявлял ни о каких процессуальных нарушениях в решении СПБ³. Комитет принимает к сведению, что СПБ признал, что автор обратился в христианскую веру в 1994 году; что в ноябре 1994 г. несколько членов его семьи напали на него и держали его взаперти без еды в течение трех дней и что позднее в г. Каолак, где он пытался укрыться, он был найден и избит членами его семьи и несколькими членами “Братства мюридов”. СПБ пришел к выводу о том, что любые угрозы в адрес автора исходят от его родственников и их соратников, а не от “Братства мюридов” в целом, и не принял утверждения автора о том, что в Сенегале у него не будет возможности получить надлежащую и эффективную государственную защиту. Комитет также отмечает, что автор не привел больше никаких аргументов в пользу того, что он не сможет переехать ни в какой другой район Сенегала. Комитет отмечает, что автор не выявил никакого фактора риска, который не учли должным образом власти государства-участника, и никакого другого нарушения в процессе принятия ими решения. Автор не согласен с фактологическими выводами властей государства-участника, но не показывал, что они носят явно необоснованный характер. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что не было доказано, что власти Сенегала в целом не захотят и не смогут предоставить автору беспристрастную, надлежащую и эффективную защиту от угроз его физической безопасности и что не было бы неразумным ожидать, что он поселится в другом месте, особенно удаленном от г. Туба, где ему будет доступна такая защита. При условии, что автор будет возвращен лишь в тот район, где, по мнению государства-участника, ему будет доступна надлежащая и эффективная защита, Комитет не может признать, что возвращение автора в Сенегал будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника в соответствии со ст.ст. 6 и 7 Пакта (п. 7.4 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет не может признать, что автор столкнулся бы с реальным риском недопустимого обращения, если бы его выдворили в Сенегал (п. 7.5 Соображений).

Комитет против пыток⁴

Сообщение: *Абед Азизи против Швейцарии*. Сообщение № 492/2012. Решение принято Комитетом 27 ноября 2014 г.

Тема сообщения: высылка в Исламскую Республику Иран.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет должен установить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю лично угрожает опасность подвергнуться пыткам по его возвращении в Исламскую Республику Иран. Для оценки такой опасности Комитет должен в соответствии с п. 2 ст. 3 Конвенции принять во внимание все отно-

¹См. Замечание общего порядка № 31[80] о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участников Пакта, п. 12.

²См. сообщение № 1763/2008, *Пиллай и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 11.4. См. также сообщения № 1819/2008, *А.А. против Канады*, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2011 г., п. 7.8 и № 2049/2011, *З. против Австралии*, Соображения, принятые 18 июля 2014 г., п. 9.3.

³Суд по пересмотру решений, касающихся беженцев.

⁴Комитет против пыток (далее — Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

сящиеся к делу обстоятельства, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что цель оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли угрожать лично соответствующему лицу предсказуемая и реальная опасность быть подвергнутым пыткам в стране, в которую он будет возвращен. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток в случае возвращения в эту страну; для установления наличия личной угрозы в отношении соответствующего лица должны существовать дополнительные основания¹. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может не рассматриваться в качестве лица, которому угрожает опасность подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела (п. 8.3 Решения).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении ст. 3 Конвенции в контексте ст. 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предсказуемая, реальная и личная» опасность². Комитет напоминает, что в соответствии с его Замечанием общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника³. Вместе с тем он не считает себя связанным такими выводами и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (п. 8.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Ссылаясь на свою правовую практику последнего времени⁴, Комитет напоминает о том, что поступают сообщения об использовании в Иране психологических и физических пыток для получения признательных показаний, что указывает на широкое и систематическое применение подобной практики⁵, а также продолжающие по-

ступать сообщения о случаях задержания и применения пыток к политическим оппонентам⁶. Комитет отмечает недавно усилившуюся тенденцию к аресту и осуждению лиц, осуществляющих свои права на свободу выражения мнений, мирные собрания и ассоциацию⁷. Комитет испытывает в этом отношении еще большую обеспокоенность с учетом того факта, что Исламская Республика Иран часто использует смертную казнь и применяет ее без гарантий надлежащего судебного разбирательства в делах, связанных с некоторыми преступлениями, которые не считаются наиболее тяжкими преступлениями в соответствии с нормами международного права⁸. Государство-участник само признает наличие такого положения в Исламской Республике Иран (п. 8.5 Решения).

Комитет принимает к сведению, что заявитель являлся активным членом швейцарского отделения КДПИ⁹ и председателем региональных исполнительных комитетов в ряде кантонов, участвовал в различных демонстрациях и публиковал статьи в Интернете. Государство-участник не оспаривает эту информацию. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что иранские власти обращают свое внимание на видных деятелей, которые могут представлять собой конкретную угрозу для иранского режима; что заявитель такой угрозы не представляет; что деятельность, в которой он предположительно участвовал, является типичной деятельностью для многих иранцев, оказавшихся в изгнании; что государство-участник не стало бы признавать заявителя потенциально опасным для иранского режима. Комитет отмечает, что согласно недавним сообщениям в Исламской Республике Иран также тщательно отслеживают оппозиционеров и более низкого уровня¹⁰. Комитет отмечает наличие многочисленных сообщений о продолжающемся преследовании политических активистов из числа этнических меньшинств, включая недавние казни курдов, обвинительные приговоры которым были вынесены в результате судебных разбирательств, не соответствующих нормам справедливого судопроизводства¹¹ (п. 8.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что из-за своего обращения в христианство он может быть подвергнут преследованию и даже приговорен к смертной казни по обращению в другую веру и прозелитизм. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что обращение в христианство

¹См., в частности, сообщения № 426/2010, *Р.Д. против Швейцарии*, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., п. 9.2; № 413/2010, *А.А.М. против Швеции*, Решение, принятое 23 мая 2012 г., п. 9.3.

²См., в частности, сообщения № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.4; № 463/2011, *Д.Ю. против Швеции*, Решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 9.4; № 455/2011, *С.Д.Л. против Австралии*, Решение, принятое 2 мая 2014 г., п. 9.3.

³См., в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

⁴См. сообщения № 481/2011, *К.Н., Ф.В. и С.Н. против Швейцарии*, Решение, принятое 19 мая 2014 г.; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, Решение, принятое 23 мая 2011 г.; № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 ноября 2011 г.

⁵Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (А/69/356), п. 16.

⁶Доклады Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (А/НRC/25/61), пп. 23, 29; и А/68/503, пп. 1, 6, 8 и 30.

⁷Заявление председателя-докладчика рабочей группы по произвольным задержаниям, специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран, специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на ассоциацию, специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов и специального докладчика по вопросу о положении правозащитников (8 августа 2014 г.).

⁸См. А/НRC/25/61, пп. 5 и 84. См. также сообщение № 481/2011, п. 7.6.

⁹Демократическая партия иранского Курдистана.

¹⁰См. А/НRC/25/61, пп. 88–90, и А/68/503, пп. 6–15 и 88–90.

¹¹См. А/НRC/25/61, пп. 82, 83.

за рубежом не подвергнет заявителя опасности преследования в Исламской Республике Иран, если только он не исповедовал христианство активно и явно. Комитет отмечает, что последние сообщения свидетельствуют о том, что христиане, особенно протестанты и лица, перешедшие из ислама в христианство, подвергаются преследованию в Исламской Республике Иран, что в течение ряда последних лет сотни христиан были арестованы и помещены под стражу и что многие церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов, в настоящее время осуществляют свою деятельность в атмосфере страха¹. Согласно содержащейся в этих докладах информации: а) члены религиозных меньшинств, включая христиан, помещаются под стражу и подвергаются пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, а также длительному одиночному заключению с целью добиться от них признательных показаний, зачастую не предоставляя им доступа к адвокату²; б) большинство дел в отношении христиан рассматривается в революционных судах как преступления против национальной безопасности, однако некоторым христианам предъявляются обвинения в государственных уголовных судах за проявление религиозных убеждений, а должностные лица регулярно угрожают преследовать обращенных христиан за отступничество³; в) процедуры преследования часто не соответствуют международным стандартам, так как ограничивается доступ к материалам дела и право на защиту⁴; и d) иранские власти на самом высоком уровне назвали неформальные «домашние церкви» и евангельских христиан угрозами национальной безопасности⁵. Отчеты о текущем положении также предполагают возросшее преследование христиан-протестантов и в том числе помещение их под стражу за участие в деятельности неформальных домашних церквей⁶, а также физическое и жестокое психологическое насилие, в том числе угрозы расправы по отношению к содержащимся под стражей обращенным христианам⁷ (п. 8.7 Решения).

С учетом всех этих обстоятельств, включая общее положение в области прав человека в Исламской Республике Иран, личное положение заявителя, который продолжает активно участвовать в политической деятельности против иранского режима за рубежом, а также правовой практики Комитета⁸ Комитет считает, что заявитель вполне мог привлечь к себе внимание иранских властей. Комитет полагает, что обращение заявителя в христианство и его принадлежность к

курдским политическим активистам усугубляют опасность того, что он подвергнется преследованию в случае возвращения в Исламскую Республику Иран. С учетом этих сообщений, рассматриваемых в целом, Комитет считает, что в конкретных обстоятельствах данного дела существуют серьезные основания полагать, что заявитель подвергнется пыткам в случае возвращения в Исламскую Республику Иран. Комитет отмечает, что, поскольку Исламская Республика Иран не является стороной Конвенции, в случае нарушения предусмотренных Конвенцией прав заявителя в этой стране он будет лишен правовой возможности обратиться в Комитет с просьбой о той или иной защите (п. 8.8 Решения).

Вывод Комитета. Комитет против пыток считает, что депортация заявителя в Исламскую Республику Иран будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (п. 9 Решения).

Сообщение: Х. против Дании. Сообщение № 458/2011. Решение принято Комитетом 28 ноября 2014 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Эфиопию.

Вопрос существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что применение в прошлом жестокого обращения является лишь одним из подлежащих учету элементов⁹ (п. 9.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что заявитель сообщает Комитету о том, что она неоднократно подвергалась тюремному заключению и пыткам в связи с политической деятельностью своего отца и своей собственной политической деятельностью на стороне Фронта освобождения оромо, а также предполагает риск новых арестов и пыток в случае возвращения в Эфиопию. Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что первоначальное ходатайство заявителя властям государства-участника основывалось на опасении преследования в связи с ее принадлежностью к оромо, что утверждения о ее содержании под стражей приблизительно за четыре года до ее прибытия в Данию были добавлены на более поздней стадии разбирательства в связи с предоставлением убежища и что утверждения о ее неоднократном помещении под стражу и подробная информация о пытках были представлены только после слушаний в Комиссии по рассмотрению апелляций беженцев, хотя для представления подобной информации имелись более ранние возможности. Комитет принимает к сведению медицинские заключения, представленные заявителем, и довод государства-участника о том, что выводы, содержащиеся в заключении медицинской группы организации «Международная Амнистия» от 2 июня 2009 г., не могут быть признаны доказательством пыток. Комитет далее отмечает жалобу заявителя на то, что государство-участник не провело независимой медицинской оценки ее утверждений о пытках, а также ответ государства-участника о том, что такое освидетельствование не было ни запрошено заявителем, ни сочтено необходимым государством-участником из-за позднего представления

¹Там же, пп. 39–41, и A/69/356, пп. 42–48. См. также пресс-релиз Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран и специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, которые выразили «серьезную обеспокоенность по поводу ареста и помещения под стражу сотен христиан за последние несколько лет» и призвали власти «смягчить существующую атмосферу страха, в которой осуществляют свою деятельность церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов» (20 сентября 2012 г.).

²См. A/HRC/25/61, п. 36.

³Там же, п. 41.

⁴Там же, п. 36.

⁵Там же, п. 40.

⁶A/69/356, п. 47.

⁷Там же, п. 48.

⁸См. сообщения № 339/2008, *Амини против Дании*, Решение, принятое 15 ноября 2010 г., п. 9.8; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, примечание 11, п. 9.4; № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, примечание 11, п. 9.6.

⁹См., например, сообщения № 61/1996, *Х.У. и З. против Швеции*, Решение, принятое 6 мая 1998 г., п. 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.7.

информации о пытках и в целом отсутствия доверия к версии событий в изложении заявителя (п. 9.4 Решения).

Комитет считает, что, даже если предположить, что заявитель подвергалась в прошлом пыткам со стороны властей государства, из этого не следует автоматический вывод, что по меньшей мере семь лет спустя после описываемых событий ей по-прежнему угрожала бы опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Эфиопию¹ (п. 9.5 Решения).

Комитет с обеспокоенностью отмечает сообщения о нарушении прав человека в Эфиопии², в том числе о применении пыток, а также представленную заявителем информацию о преследовании активистов Фронта освобождения оромо. Он также ссылается на свои заключительные замечания по первоначальному докладу по Эфиопии, опубликованные в 2010 году, где указано, что он “серьезно обеспокоен многочисленными, непрекращающимися и согласующимися между собой утверждениями о рутинном применении пыток” сотрудниками правительственных служб в отношении политических диссидентов и членов оппозиционных партий, студентов, лиц, подозреваемых в террористической деятельности, и предполагаемых сторонников таких воинствующих сепаратистских группировок, как Фронт освобождения оромо³. Комитет принимает к сведению аргументы заявителя о том, что она является активным членом Фронта освобождения оромо, а также представление государства-участника, оспаривающее правдивость этой информации. Вместе с тем на основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что заявителю не удалось представить доказательства в подтверждение политической деятельности таких масштабов, которая могла бы привлечь внимание властей. Информация, представленная Комитету, не подтверждает, что заявитель привлекала к себе внимание эфиопских властей после того, как она покинула страну (п. 9.6 Решения).

Вывод Комитета. Комитет считает, что представленная заявителем информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить ее заявление о том, что ей лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность пыток в случае возвращения в Эфиопию (п. 9.7 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Адеишвили (Мазмишвили) против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявитель жаловался в том числе на то, что его выдворение в Грузию противоречит ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что он выработал соответствующие критерии, которые мог бы использовать для оценки необходимости применения такой меры, как выдворение, и ее соразмерности преследуемой правомерной цели. Такими критериями являются: характер и тяжесть правонарушения, совершенного заявителем; длительность пребывания заявителя в стране, из которой он/она должен (должна) быть выдворен(а); период времени, истекший с момента совершения правонарушения, и поведение заявителя в этот период;

гражданство различных заинтересованных лиц; семейное положение заявителя, в частности длительность брака и другие факторы, выражающие наличие семейной жизни у пары; знал(а) ли супруг(а) о правонарушении на тот момент, когда он или она вступал(а) в брак с заявителем; есть ли дети от этого брака и, если есть, каков их возраст; а также тяжесть трудностей, с которыми, вероятно, столкнется супруг(а) заявителя в стране, в которую должен быть выдворен заявитель (п. 57 постановления).

Суд установил, что “...национальные суды распорядились о выдворении заявителя за несанкционированное проживание на территории Российской Федерации, которое стало незаконным после того, как органы власти аннулировали его российское гражданство и паспорт гражданина Российской Федерации...заявитель не в первый раз привлекался к административной ответственности за незаконное проживание на территории Российской Федерации... национальные суды при вынесении решения о выдворении заявителя приняли во внимание его судимости... рассматриваемая семейная жизнь развивалась в течение периода, в который заявитель и, очевидно, [его супруга] были осведомлены о нестабильности миграционного статуса заявителя в России. В марте 2010 года решение, подтверждающее непрерывное проживание в России, было отменено, и заявитель не добивался судебного разбирательства. В апреле 2010 года российское гражданство заявителя было аннулировано, и его паспорт был признан недействительным. Видимо, к присутствию заявителя на территории Российской Федерации относились терпимо, что не может быть приравнено к законному пребыванию” (пп. 79, 80, 82 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что “...заявитель родился и вырос в Грузии, где до сих пор проживают его родители... дети заявителя находятся в юном и способном к адаптации возрасте... можно обоснованно признать возможность перемещения детей в грузинскую культуру и общество, несмотря на то, что... такое перемещение может повлечь значительные социальные и экономические трудности” (п. 83 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что семейная жизнь заявителя в России не могла перевесить риск, который он представлял для общества, и, следовательно, его выдворение было пропорциональным правомерной цели предотвращения преступления. Таким образом, отсутствует нарушение ст. 8 Конвенции в случае выдворения заявителя в Грузию.

Фозил Назаров против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 декабря 2014 г.

Заявитель жаловался на то, что в случае экстрадиции или выдворения в Узбекистан он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции.

Суд отметил, что “заявитель сообщал в национальных судах о своих страхах подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане. Верно, что впервые он поднял вопрос жестокого обращения в своей апелляции против распоряжения об административном выдворении. Тем не менее Суд не находит это необоснованным, учитывая, что заявителю стало известно об угрозе того, что его могут вернуть на родину, в тот момент, когда он узнал о постановлении о его административном выдворении в Узбекистан... При рассмотрении его апелляционной жалобы, однако, суд отклонил аргументы заявителя касательно риска жестокого обращения по двум причинам: во-первых, так как заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца сразу же после прибытия в Россию и, во-вторых, так как его утверждения были необоснованными” (п. 36

¹См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 7.7.

²См., например, A/HRC/WG.6/19/ETH/2. См. также Amnesty International, Amnesty International Report 2013: The State of the World's Human Rights (London, 2013).

³См. CAT/C/ETH/CO/1, п. 10.

постановления). “Что касается ссылки суда апелляционной инстанции на то, что заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца в надлежащее время, Суд вновь использует свой постоянный подход, заключающийся в том, что хотя тот факт, что лицо не обратилось за предоставлением убежища сразу же по прибытии в другую страну, может иметь отношение к оценке достоверности его утверждений, невозможно сравнивать риск жестокого обращения с лицом и причины, обосновывающие его выдворение. Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, в результате чего защита, предоставляемая ст. 3 Конвенции, шире, чем защита, предусмотренная ст.ст. 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев 1951 года... Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель прибыл в Россию в 2010 году, когда против него не было выдвинуто никаких обвинений, и обратился за предоставлением статуса беженца вскоре после того, как узнал о таких обвинениях. Кроме того, выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса беженца не опровергаются, по существу, его утверждения в соответствии со ст. 3 Конвенции” (п. 37 постановления).

“С учетом... доступных материалов, указывающих на существование реальной опасности жестокого обращения, с лицами, обвиняемыми, подобно заявителю, в участии в деятельности запрещенных религиозных организаций в Узбекистане, и на отсутствие достаточных гарантий избежать такого риска, Суд приходит к заключению, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан подвергло бы его серьезной опасности обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции, и, таким образом, способствовало бы нарушению этой статьи” (п. 39 постановления).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹

Сообщение: *Э.С. и С.Ч. против Объединенной Республики Танзания*. Сообщение № 48/2013. Мнения приняты Комитетом 2 марта 2015 г.²

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что в соответствии с п. f) ст. 2 и п. а) ст. 5 Конвенции государства-участники обязаны принимать необходимые меры с целью изменения или отмены не только законов и существующих

правил, но также обычаев и практики, дискриминирующих женщин, включая случаи, когда в государствах-участниках существуют множественные юридические системы, в которых применение норм права о личном статусе к отдельным лицам варьируется в зависимости от факторов их идентичности, таких как этническая или религиозная принадлежность³. Комитет... напоминает, что ответственность государств-участников за выполнение ими своих обязательств в соответствии со ст. 2 наступает в результате действий или бездействия, исходящих от всех ветвей государственной власти, включая судебную⁴. Государства-участники также обязаны, в соответствии с п. 1 ст. 16, принимать все необходимые меры по искоренению дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся замужества и семейных отношений⁵. Комитет напоминает о своей Общей рекомендации № 29 по экономическим последствиям вступления в брак, семейных отношений и их расторжения, основанной на принципах, подробно изложенных в Общей рекомендации № 21, и обязывающей государства-участники ликвидировать дискриминацию в отношении женщин при вступлении в брак, нахождении в браке и при его расторжении в случае развода или смерти, как предусмотрено ст. 16 Конвенции⁶. Государства-участники обязаны принимать законы о наследовании по закону, отвечающие принципам Конвенции и обеспечивающие равное отношение к наследникам мужского и женского пола⁷. В связи с этим Комитет

³См. Общую рекомендацию № 29, п. 12: “В некоторых государствах-участниках существуют множественные юридические системы, в которых применение норм права о личном статусе к отдельным лицам варьируется в зависимости от факторов их идентичности, таких как этническая или религиозная принадлежность. В некоторых, но не всех государствах-участниках также имеются гражданские кодексы, нормы которых могут применяться только в определенных обстоятельствах или по желанию сторон. Тем не менее в ряде государств-участников индивидум не имеет права выбора в том, что касается применения законов о личном статусе, основанных на личностных параметрах”. См. также Общую рекомендацию № 28, п. 31.

⁴См. Общую рекомендацию № 28, п. 39.

⁵См. сообщение № 47/2012 *Гонсалес Карреньо против Испании*, Мнения, принятые 16 июля 2014 г., п. 9.7.

⁶Общая рекомендация № 29, п. 6. См. также п. 7, согласно которому “право женщин на равноправие в семье признано повсеместно” и где содержатся ссылки на Замечание общего порядка № 28 о равноправии мужчин и женщин (особенно пп. 23–27), Замечание общего порядка № 19 о защите семьи, праве на брак и равенстве супругов, а также Замечание общего порядка № 16 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о равном доступе мужчин и женщин к осуществлению всех экономических, социальных и культурных прав (особенно п. 27) и Замечание общего порядка № 20 о недискриминации в экономических, социальных и культурных правах.

⁷Общая рекомендация № 29, п. 53. См. также Общую рекомендацию № 21, пп. 34 и 35. В частности, в п. 35 указано, что “во многих странах законы и практика, касающиеся вопросов наследования и имущественных отношений, ведут к серьезной дискриминации в отношении женщин. В результате такого неравного режима может сложиться положение, при котором женщины будут получать меньшую долю имущества своего супруга или отца в случае их смерти, чем та, которую получили бы в аналогичной ситуации вдовцы и сыновья. В некоторых случаях женщинам предоставляются ограниченные и регулируемые права, и они получают лишь доход от использования имущества покойного. Часто положения о наследственных правах вдов не отражают принципов равноправия в отношении владения имуществом, приобретенным во время брака. Такие положения противоречат Конвенции и должны быть отменены”.

¹Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее — Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

²Авторы сообщения заявляют, что применение государством-участником обычного наследственного права, кодифицированного в Указе № 4 о местном обычном праве (Декларация), не позволило им получить в управление и наследство какую-либо собственность после смерти их мужей и тем самым лишило их прав, предусмотренных пп. с) и f) ст. 2, п. а) ст. 5, п. b) ст. 13, пп. 1 и 2 ст. 15, подп. с) и h) п. 1 ст. 16 Конвенции в сочетании с общими рекомендациями Комитета № 21 и 27 о равенстве в браке и семейных отношениях, пожилых женщинах и защите их прав человека, соответственно (п. 3.1 Мнений).

напоминает, что в Общей рекомендации № 29 особо отмечается, что государства-участники обязаны обеспечивать соблюдение запрета на лишение вдовы/вдовца наследства¹ (п. 7.2 Мнений).

Ссылаясь на Общую рекомендацию № 21, Комитет подчеркивает, что права, содержащиеся в подп. “h” п. 1 ст. 16 Конвенции, перекликаются с правами, провозглашенными в п. 2 ст. 15 Конвенции, который обязывает государства-участники предоставлять женщинам равные права при управлении имуществом². По мнению Комитета, право женщины в отношении владения, управления, пользования и распоряжения имуществом имеет основополагающее значение для осуществления права женщины на финансовую самостоятельность и может определять ее возможности зарабатывать на жизнь и обеспечивать надлежащим жильем и питанием себя и своих детей, особенно в случае смерти супруга³ (п. 7.3 Мнений).

Комитет напоминает о том, что в соответствии со ст. 13 Конвенции государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в областях экономической и социальной жизни, в частности в отношении их права на получение займов, ссуд под недвижимость и других форм финансового кредита (п. 7.4 Мнений).

Комитет напоминает о том, что применение дискриминационного обычного права способствует укреплению гендерных стереотипов и дискриминационного отношения к ролям и обязанностям женщин и препятствует осуществлению равных прав женщин в семье и в обществе в целом (п. 7.5 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. В рассматриваемом случае Комитет отмечает, что в государстве-участнике вопросы наследования регулируются несколькими правовыми системами и в силу своей этнической принадлежности авторы сообщения являются субъектами обычного права народности сукума⁴. Комитет отмечает, что, несмотря на наличие в Конституции государства-участника положений, гарантирующих равенство и недискриминацию, государство-участник не пересмотрело действующие и не приняло новые законы, направленные на ликвидацию существующих дискриминационных аспектов кодифицированного обычного права в

отношении вдов. Вследствие этого авторы сообщения после смерти своих супругов были лишены прав на участие в управлении имуществом супругов и на получение наследства. Комитет полагает, что нормативная база государства-участника, предусматривающая различный режим для вдов и вдовцов в плане их доступа к владению имуществом, его приобретения, управления, распоряжения, пользования им и его отчуждения, является дискриминационной и представляет собой нарушение п. “f” ст. 2 в сочетании со ст.ст. 5, 15 и 16 Конвенции⁵ (п. 7.6 Мнений).

Комитет отмечает, что, несмотря на признание Высоким судом в своем решении от 8 сентября 2006 г.⁶ того факта, что применение положений обычного права⁷ в отношении авторов носило дискриминационный характер, Высокий суд отказался отменить соответствующие положения, аргументируя это тем, что изменить обычное право решением суда невозможно и подобные действия равносильны “открытию ящика Пандоры”. Комитет принимает к сведению отсутствие ответа на поданную авторами апелляцию со стороны как Генерального прокурора, так и Апелляционного суда на протяжении четырех лет, отклонение апелляции Апелляционным судом на основании процедурных формальностей, за которые авторы не могли нести ответственности, и отсутствие каких бы то ни было действий со стороны регистратора Высокого суда для предоставления исправленной версии судебного решения. Комитет придерживается мнения, что подобные недостатки в работе судебной системы представляют собой отказ в доступе к правосудию и, следовательно, равносильны непредоставлению авторам эффективных средств правовой защиты в нарушение п. “с” ст. 2 (п. 7.7 Мнений).

В отношении ст. 13 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что вдовы в государстве-участнике вынуждены постоянно зависеть от своих родственников мужского пола и своих детей и поэтому не пользуются равными экономическими возможностями. Комитет также отмечает, что авторы были выселены из своих домов после смерти их мужей. Вследствие этого г-же Э.С. пришлось вернуться в свою семью, а г-же С.Ч. — снимать дом без какой-либо финансовой поддержки со стороны семей их умерших мужей... Комитет полагает, что авторы были оставлены в экономически уязвимом положении, без имущества, без дома для проживания со своими детьми и без какой-либо формы финансовой поддержки. Комитет считает, что такое состояние уязвимости и отсутствия безопасности ограничило экономическую самостоятельность авторов и не позволило им пользоваться равными экономическими возможностями в нарушение ст. 13 (п. 7.8 Мнений).

⁵См. Замечание общего порядка № 29, п. 10.

⁶См. п. 2.9 выше.

⁷Комитет напоминает, что, согласно Общей рекомендации № 28, государства-участники должны обеспечить закрепление принципа равенства между мужчинами и женщинами в внутреннем законодательстве с приданием ему главенствующего статуса и обеспечением его правовой санкцией (п. 31). См. также п. 33: “Суды должны доводить любое несоответствие между национальным законодательством, включая национальные религиозные и обычные правовые нормы, и обязательствами государства-участника по Конвенции до сведения соответствующих компетентных органов, поскольку внутригосударственное законодательство ни в коей мере не может служить оправданием неспособности государств-участников выполнять свои международные обязательства”.

¹Общая рекомендация № 29, п. 53. В этом пункте также говорится о том, что “отчуждение/присвоение имущества является преступлением, и лица, виновные в совершении подобных преступлений, подлежат судебному преследованию в установленном порядке. См. также п. 50, где указано, что “в некоторых государствах-участниках вдовы становятся жертвами “отчуждения имущества” и “присвоения имущества”, когда родственники ее покойного мужа, апеллируя к обычаям, отбирают у вдовы и ее детей имущество, нажитое в браке, в том числе имущество, которое по обычаям ей не принадлежит. Они отбирают у вдовы семейный дом и присваивают все движимое имущество, а затем пренебрегают своими предписанными обычаями обязанностями по оказанию поддержки вдове и детям. В некоторых государствах-участниках вдовы низводятся до положения изгоев или выселяются в другие общины”.

²Общая рекомендация № 21, п. 25.

³Там же, пп. 26—28. См. также Общую рекомендацию № 29, п. 49: “Многие государства-участники в соответствии с общим правом отказывают вдовам в равных с вдовцами правах на наследование, в результате чего они оказываются в экономически уязвимом положении после смерти супруга”.

⁴О взаимосвязанной дискриминации см. Общую рекомендацию № 29, п. 12 и Общую рекомендацию № 28, п. 18.

Вывод Комитета. Комитет полагает, что государство-участник, не обращая внимания на юридические ограничения прав наследования и собственности, не предоставило авторам сообщения равных прав в вопросах наследования и других средств экономической защиты¹ или какой-либо адекватной компенсации, не выполнив тем самым своих обязательств по пп. с) и f) ст. 2, п. а) ст. 5, п. b) ст. 13, пп. 1 и 2 ст. 15, подп. с) и h) п. 1 ст. 16 Конвенции (п. 7.9 Мнений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Столярова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 января 2015 г.

Заявитель жаловалась, что была лишена ее собственности в нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...право собственности заявителя было признано недействительным в связи с мошенническими схемами обмена и последующей приватизацией квартиры третьей стороной... Именно государство обладает исключительной компетенцией по определению условий и процедур, в порядке которых оно отчуждает свои активы лицам, которые, как оно считает, имеют на это право, а также обладает исключительной компетенцией по осуществлению надзора за соблюдением этих условий. В компетенцию государства входила в том числе легализация передачи права собственности на квартиру путем регистрации, направленной именно на обеспечение дополнительной защиты прав собственника. При наличии такого большого числа контрольно-надзорных органов, подтвердивших право собственности [продавца квартиры], ни заявитель, ни любой другой сторонний покупатель квартиры не должны были брать на себя риск лишения права владения в связи с пороками, которые должны были быть устранены посредством специально разработанных процедур. Надзор властей не мог служить оправданием последующего наказания заявителя" (п. 48 постановления).

Суд подчеркнул, что "...заявитель была лишена права собственности в отсутствие какой-либо компенсации со стороны государства или предоставления иного жилого помещения... что ошибки или недостатки в работе органов государственной власти должны работать в пользу пострадавших от них лиц, особенно в случае отсутствия других конфликтующих частных интересов" (п. 49 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что лишение заявителя права собственности на квартиру возложило на нее чрезмерное бремя и что власти не смогли установить справедливый баланс между общественными интересами, с одной стороны, и правом заявителя на уважение собственности — с другой. Таким образом, имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1.

Заявитель также жаловалась на то, что ее неизбежное выселение представляло собой нарушение ее права на уважение жилища.

Европейский Суд установил, что "...российские суды автоматически распорядились о выселении заявителя после того, как она была лишена права собственности. Они не провели дополнительного анализа пропорциональности меры, которую было необходимо применить в отношении заявителя, а именно, ее выселения из квартиры, которую они признали находящейся в собственности государства... во владение жилищем заявителя вступило именно государство, а не частное лицо, чьи интересы в отношении данной квартиры были под угрозой... ни один человек в списке очередников не был так же привязан к данной квартире, как заявитель, и вряд ли был заинтересован в этом кон-

кретном жилище больше, чем в другом похожем" (пп. 60, 61 постановления).

Суд также отметил, что "...заявитель действительно могла обратиться в Жилищный департамент города Москвы за помощью в получении подходящего социального жилья в Москве, однако возможность получения такой помощи и вероятный исход такого обращения в настоящее время являются не более чем теорией, которая не играет никакой роли в оценке соразмерности вмешательства преследуемой законной цели" (п. 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что вмешательство в право заявителя, гарантированное ст. 8 Конвенции, не было "необходимым в демократическом обществе", не отвечало "насущной социальной потребности" и не было пропорциональным преследуемой законной цели.

См. также приведенные ниже дела "Кедар Чаулагин против Непала". Сообщение № 2018/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 28 октября 2014 г.; "Али Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана". Сообщение № 1972/2010. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.; "Амиров против России". Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2014 г.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Эмилио Энрике Гарсиа Боливар против Боливарианской Республики Венесуэла.* Сообщение № 2085/2011. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: ведение судебного разбирательства по трудовому спору.

Вопрос существа: право на публичное судебное разбирательство в разумные сроки.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что важным аспектом справедливости судопроизводства является его оперативность и что задержки в судопроизводстве, которые не могут быть оправданы сложностью дела или поведением сторон, представляя собой отход от принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в п. 1 ст. 14² (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет напоминает о том, что иск автора относительно выплаты социальных пособий, а также возмещения ущерба и морального вреда первоначально был принят к рассмотрению судом первой инстанции 21 ноября 2000 г., а 15 мая 2007 г. Кассационная палата по социальным делам Верховного суда истребовала дело из нижестоящей инстанции для его рассмотрения и вынесения решения. Вместе с тем дата слушаний не была назначена, а Палата временного состава была сформирована только 14 января 2013 г. — спустя пять лет и восемь месяцев после принятия Верховным судом решения об истребовании дела из суда нижестоящей инстанции. Кроме того, Верховный суд вынес окончательное решение по апелляционной жалобе автора 17 июня 2013 г., т.е. спустя 12 лет и 4 месяца, передав при этом дело на рассмотрение соответствующего суда Кассационной палаты по социальным делам. Соответственно, на момент принятия настоящего

¹См. Общую рекомендацию № 29, п. 49.

²См. Замечание общего порядка № 32 (2007 год) Комитета, п. 27, а также сообщения № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, 4 ноября 1988 г., п. 11.3, № 514/1992, *Фей против Колумбии*, 4 апреля 1995 г., п. 8.4.

решения все еще не было принято решение по апелляционной жалобе на отказ суда первой инстанции принять показания, равно как и по первоначальному иску относительно выплаты социальных пособий, а также возмещения ущерба и морального вреда, поданному автором более 13 лет назад. С учетом обстоятельств дела Комитет полагает, что задержки в разбирательстве могут быть отнесены не на счет поведения автора или сложности дела¹, а прежде всего на счет поведения органов власти государства-участника, в том числе судебной власти (п. 7.2 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека полагает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 14 Пакта (п. 8 Соображений).

Сообщение: Юрий Большаков против Российской Федерации. Сообщение № 1946/2010. Соображения приняты Комитетом 15 октября 2014 г.

Тема сообщения: несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: справедливое разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом с целью определения прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе.

Правовые позиции Комитета. Комитет отмечает, что п. 1 ст. 14 Пакта распространяется не только на уголовные дела, но и на определение прав и обязанностей гражданского характера в каком-либо гражданском процессе. Право определять такие права и обязанности в рамках справедливого судебного разбирательства компетентным, независимым и беспристрастным судом предполагает, что административные власти должны уважать окончательное решение, принятое в ходе судебного разбирательства в отношении их, и что окончательное решение в рамках такого разбирательства должно быть принято в кратчайшие сроки² (п. 8.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что городской суд вынес свое решение 28 апреля 2006 г. и что, хотя Управление не подало кассационную жалобу в установленные сроки, оно просило городской суд представить правовое обоснование своего решения, в связи с чем городской суд 9 июня 2006 г. принял соответствующее постановление. Через три с лишним месяца, 15 сентября 2006 г., Управление ходатайствовало о рассмотрении этого дела в порядке надзора в Псковском областном суде, который удовлетворил это ходатайство и менее чем через месяц, 13 октября 2006 г., аннулировал решение городского суда. Собственное ходатайство автора сообщения о пересмотре решения Псковского областного суда в порядке надзора в Верховном Суде РФ было отклонено решением, вынесенным 31 мая 2007 г. В итоге в результате всех этих судебных разбирательств решение городского суда было аннулировано в течение шести месяцев с момента принятия этого решения на основании неверного толкования внутреннего законодательства. Автор сообщения не утверждает,

что судебное разбирательство в порядке надзора не соответствовало действовавшему в 2006 году процессуальным требованиям, предусмотренным внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не представил никаких доказательств, подтверждающих нарушение принципа состязательности процесса или равенства состязательных возможностей в ходе разбирательства в порядке надзора. С учетом конкретных обстоятельств этого дела Комитет постановляет, что вышеуказанная последовательность событий не может считаться отказом в справедливом и незамедлительном определении отстаиваемых автором прав. Комитет не может прийти к выводу о том, что права автора, предусмотренные в п. 1 ст. 14 Пакта, в данном случае были нарушены (п. 8.3 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека считает, что государство-участник не нарушало п. 1 ст. 14 Пакта (п. 9 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Громадка и Громадкова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 декабря 2014 г.

Заявители жаловались на нарушение их права на уважение их семейной жизни, выразившееся в том, что российские власти не приняли мер и не оказали им помощь в воссоединении с ребенком, тем самым нарушив ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд пришел к выводу, что "...до окончания судебных разбирательств в чешском суде по вопросу проживания ребенка первый заявитель был лишен возможности официального установления российским судом условий контакта с его дочерью. Из этого следует, что в отсутствие соглашения между родителями регламентирующая правовая база, существовавшая в России на момент рассматриваемых событий, не предусматривала практическую и эффективную защиту интересов отца... Не определив необходимую правовую базу, которая обеспечила бы немедленную реакцию на международное похищение ребенка на момент рассматриваемых событий, Российская Федерация не исполнила свое позитивное обязательство в соответствии со ст. 8 Конвенции" (п. 157 постановления).

Малберг и другие против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2015 г.

Заявители жаловались на то, что решения по их гражданским делам не были "оглашены публично", как того требует п. 1 ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что некоторые российские суды огласили резолютивные части своих кассационных определений в открытом заседании и позднее подготовили полные тексты вынесенных ими определений, а также, что оглашение решений судов нижестоящих инстанций, полностью или частично оставленных без изменения в кассационном порядке, также ограничивалось оглашением только их резолютивной части (п. 53 постановления).

Власти Российской Федерации возразили, что внутрисударственное законодательство, действующее в период рассматриваемых событий, не предусматривало обязательной публикации решений или какого-либо иного способа предоставления полных текстов решений лицам, не участвовавшим в судебных разбирательствах (п. 54 постановления).

Европейский Суд также заключил, что "...отсутствовали средства по обеспечению гласности, отличных от оглашения резолютивной части решений в рамках открытого судебного заседания, и что решения... судов остались недоступными для общественности. Возмож-

¹Сообщение № 1887/2009, п. 10.3.

²См. сообщения № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, Соображения, принятые 4 ноября 1988 г., п. 11.3; № 823/1998, *Церний и др. против Чешской Республики*, Соображения, принятые 29 марта 2005 г., пп. 7.4 и 7.5; а также сообщение № 1507/2006, *Сехремелис и др. против Греции*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., п. 10.4. См. также Замечание общего порядка № 32 (2007) о равенстве между судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство, п. 27.

ность предоставления лицам, чьи права и законные интересы были затронуты, доступа к текстам решений является недостаточным условием для соблюдения требования о гласности” (п. 55 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что в представленных на рассмотрение делах не было достигнуто обеспечение контроля общественности за судопроизводством в целях обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Аргументация суда, который мог бы объяснить, почему искивные требования заявителей были отклонены, не была доступна для общественности и, таким образом, было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

См. также “Коновалова против России”. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 г.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Татьяна Шихмурадова (от имени ее супруга Бориса Шихмурадова) против Туркменистана.* Сообщение № 2069/2011. Соображения приняты Комитетом 17 октября 2014 г.

Тема сообщения: насильственное исчезновение супруга автора; пытки; хабеас корпус; несправедливое судебное разбирательство.

Вопросы существа: право на жизнь; запрещение пыток и жестоких и бесчеловечных видов обращения; право на свободу и личную безопасность; право на справедливое судебное разбирательство; принцип отсутствия обратной силы; защита от незаконного вмешательства в семейную жизнь.

Правовые позиции Комитета. Комитет вновь подтверждает, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник пользуется доступом к соответствующей информации¹. Из п. 2 ст. 4 Факультативного протокола явствует, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, которые были совершены по отношению к нему и его представителям, и представить Комитету сведения, которые у него имеются. В тех случаях, когда утверждения подтверждаются достоверными доказательствами, представленными автором, и когда любое дополнительное прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать утверждения автора обоснованными в отсутствие представленных государством-участником удовлетворительных доказательств или разъяснений, подтверждающих противоположное (п. 6.2 Соображений).

Комитет напоминает свою правовую практику, согласно которой в случаях насильственного исчезновения лишение свободы при последующем отказе признать факт такового или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, оставляет это лицо вне защиты закона и ставит его жизнь под серьезную и посто-

янную угрозу, за которую несет ответственность государство² (п. 6.3 Соображений).

Комитет отдает себе отчет в том, насколько сильные страдания испытывает человек, содержащийся без связи с внешним миром. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 20 (1992 года) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания, в котором он рекомендует государствам-участникам принимать меры против содержания под стражей без связи с внешним миром (п. 6.4 Соображений).

Комитет напоминает, что в соответствии с Пактом каждому предоставляется право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, и что равенство возможностей обвинения и защиты является неременным условием соблюдения принципа справедливого разбирательства³ (п. 6.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что согласно неопровергнутой информации, представленной автором, г-н Шихмурадов был арестован, предан суду и приговорен к пожизненному тюремному заключению и с тех пор не имел возможности связаться со своей супругой или какими-либо другими членами семьи. Комитет отмечает, что также не было оспорено утверждение о том, что местонахождение г-на Шихмурадова неизвестно и что его супруга и родственники не располагают информацией о его здоровье и благополучии, несмотря на многочисленные попытки связаться с различными органами власти. Автор утверждает, что она даже не уверена в том, жив ли ее супруг. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло утверждения автора о том, что на протяжении 12 лет у нее не было никаких контактов с супругом и что власти ни разу не представили ей каких-либо сведений о местонахождении ее супруга. В случае данного дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств того, что оно выполняло свои обязательства по защите жизни г-на Шихмурадова в течение 12 лет, истекших с момента его осуждения. В данных обстоятельствах к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.3 Соображений).

Комитет отмечает, что факт содержания г-на Шихмурадова без связи с внешним миром в неустановленном месте без доступа к семье, адвокату или иному лицу во внешнем мире не оспаривается. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что членам Народного совета была продемонстрирована видеозапись, при просмотре которой складывалось впечатление, что г-н Шихмурадов предположительно находился под воздействием “психотропных веществ”. В данных обстоятельствах с учетом состояния здоровья г-на Шихмурадова до ареста и в отсутствие опровержений вышеприведенной информации со стороны государства-участника Комитет заключает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.4 Соображений).

Что касается заявления о том, что содержание г-на Шихмурадова в заключении после вынесения приговора представляет собой нарушение ст. 9 Пакта, то Комитет принимает к сведе-

¹Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии, п. 6.7; сообщение № 1297/2004, Меджунин против Алжира, Соображения от 14 июля 2006 г., п. 8.3; сообщение № 1804/2008, Иль Хульди против Ливийской Арабской Джамахирии, Соображения от 1 ноября 2012 г., п. 7.2.

²Абуишала против Ливии, п. 6.2.

³См., например, сообщение № 307/1988, Джон Кэмпбелл против Ямайки, Соображения от 24 марта 1993 г., п. 6.4.

нию утверждения автора о том, что он содержится без связи с внешним миром в неизвестном месте без доступа к адвокату и без возможности оспорить законность своего содержания в заключении. В отсутствие какой-либо информации в этом отношении со стороны государства-участника Комитет считает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.5 Соображений).

Что касается заявлений автора в связи с положениями ст. 14 Пакта, то Комитет отмечает, что г-н Шихмурадов был изначально приговорен к лишению свободы сроком на 25 лет и что суд над ним состоялся 29 декабря 2002 г., спустя всего лишь четыре дня после его ареста. По словам автора, судебное слушание не было открытым и продлилось всего один день, а приговор был вынесен исключительно на основании признательных показаний, данных г-ном Шихмурадовым под принуждением. Комитет далее отмечает, что по итогам отдельного и закрытого слушания, состоявшегося на следующий день 30 декабря 2002 г., Народный совет приговорил г-на Шихмурадова к пожизненному лишению свободы. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что г-ну Шихмурадову не было предоставлено достаточно времени для подготовки защиты, он не мог посоветоваться со своими адвокатами и не получил возможности добиться пересмотра обвинительного заключения и приговора судом более высокой инстанции в соответствии с законом. Комитет принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что Народный совет, который представляет собой политический орган, возглавляемый Президентом, и в состав которого входят члены парламента и министры, не может считаться компетентным, независимым и беспристрастным судом по смыслу п. 1 ст. 14 Пакта и согласно его требованиям. В отсутствие какой-либо информации в этом отношении со стороны государства-участника Комитет считает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.6 Соображений).

Что касается п. 1 ст. 15 Пакта, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что власти государства-участника назначили более строгое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Комитет принимает к сведению неопровергнутое утверждение автора о том, что самым строгим наказанием по туркменскому законодательству на момент совершения предполагаемых преступлений было лишение свободы сроком на 25 лет, как это предусматривалось действовавшим тогда Уголовным кодексом Туркменистана. Комитет также отмечает, что решение об установлении пожизненного лишения свободы в качестве меры наказания было принято Народным советом уже после вынесения г-ну Шихмурадову обвинительного приговора (п. 6.7 Соображений).

Что касается автора, то Комитет принимает к сведению страдания и душевную боль, причиненные ей содержанием ее супруга под стражей без связи с внешним миром и его исчезновением. Ссылаясь на свою правовую практику, Комитет делает вывод о том, что рассматриваемые им факты свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора¹ (п. 6.8 Соображений).

¹См., например, *Аль-Абани против Ливийской Арабской Джамахирии*, п. 7.5.

Выводы Комитета. Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником п. 1 ст. 6, ст. ст. 7, 9 и пп. 1 и 5 ст. 14 Пакта в отношении г-на Шихмурадова. Они также свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора (п. 7 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Шихмурадову и автору сообщения эффективное средство правовой защиты, в частности: а) незамедлительно освободить его, если он по-прежнему тайно содержится под стражей; б) провести тщательное и действенное расследование в связи с его задержанием, исчезновением и несправедливым судебным разбирательством; в) предоставить ему и автору подробную информацию о результатах расследования; г) в случае смерти г-на Шихмурадова вернуть его останки автору; е) подвергнуть уголовному преследованию, осудить и наказать виновных в совершении нарушений; ф) предоставить соответствующую компенсацию автору сообщения и г-ну Шихмурадову за допущенные нарушения. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения повторения подобных нарушений в будущем (п. 8 Соображений).

Сообщение: *Кедар Чаулагайн против Непала*. Сообщение № 2018/2010. Соображения приняты Комитетом 28 октября 2014 г.

Тема сообщения: произвольный арест и задержание, пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и последующая внесудебная казнь девушки, подозревавшейся в том, что она являлась членом Коммунистической партии (маоистской).

Вопросы существа: право на жизнь; запрет пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; право на свободу и безопасность личности; уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на эффективное средство правовой защиты; равная защита со стороны закона.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что государства-участники должны принимать меры не только по предупреждению и наказанию уголовных действий, ведущих к лишению жизни, но и по предотвращению произвольных убийств, совершаемых их собственными силами безопасности². Комитет ссылается также на п. 3 ст. 2 Пакта, в соответствии с которым государства-участники обязаны обеспечивать всем лицам доступные, эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты для отстаивания их прав, закрепленных Пактом, Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 31 (2004 год) по вопросу о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство — участников Пакта, и, в частности, на тот факт, что в случаях, когда в результате расследования вскрываются нарушения некоторых признаваемых в Пакте прав, государства-участники должны принять меры к тому, чтобы виновные в них привлекались к судебной ответственности. Как и в случае непроведения расследования, непривлечение к ответственности лиц, виновных в совершении таких нарушений, может само по себе стать отдельным нарушением Пакта. Эти обязательства возникают, в частности, в случае нарушений, признаваемых уголовными, будь то по внутреннему или международному

²См. принятое Комитетом по правам человека Замечание общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, п. 3.

праву, таких как пытки и сходное с ними жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, а также казни без надлежащего судебного разбирательства и произвольные казни¹ (п. 11.3 Соображений).

Лишение людей жизни государственными властями является вопросом чрезвычайной серьезности²; это требует проведения оперативного и надлежащего расследования с применением всех гарантий, предусмотренных в Пакте, и соответствующего наказания виновных (п. 11.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что 12 февраля 2004 г. его дочь была произвольно казнена военнослужащими Королевской армии Непала после того, как она была незаконно арестована ночью без ордера на арест, подверглась пыткам и жестокому неправомерному обращению и унижениям со стороны группы военнослужащих; что в последующие дни он обратился с жалобой к главе районной администрации; что 29 февраля 2004 г. он подал также заявление в Национальную комиссию по правам человека, а 8 июня 2006 г. подал первичное информационное сообщение об убийстве в районное отделение полиции. Поскольку полиция не провела какого-либо расследования, он подал ходатайство в Верховный суд. Он утверждает, что, несмотря на рекомендации, вынесенные НКПЧ³ 14 июня 2005 г., и приказ Верховного суда об исполнении требований истца от 14 декабря 2009 г., до настоящего времени не было проведено никакого расследования по факту убийства его дочери. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он не знал о разбирательствах, проведенных военным трибуналом в связи с событиями, имевшими место в Покхари-Чаури 12 и 13 февраля 2004 г.; что решение военного трибунала от 28 августа 2005 г. не было предано гласности; что документы и доказательства, перечисленные в решении, не были представлены в РОП⁴ Кавре или автору; а также, что суд не наказал лиц, виновных в преступлениях, совершенных в отношении его дочери. Кроме того, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что дальнейшее расследование обстоятельств смерти дочери автора все еще продолжается и что это дело подпадает под юрисдикцию комиссии по расследованию случаев исчезновения лиц и по установлению истины и примирению, учрежденных на основании закона (п. 11.2 Соображений).

В настоящем деле не существует каких-либо разногласий по поводу того, что дочь автора сообщения была арестована военнослужащими Королевской армии Непала без ордера на арест и что она умерла в результате применения этими военнослужащими огнестрельного оружия, хотя стороны расходятся во мнениях относительно обстоятельств ее смерти. В любом случае Комитет считает, что убийство дочери автора военнослужащими требовало проведения незамедлительного и независимого расследования. Комитет отмечает, что вскоре после смерти его дочери автор подал жалобу главе районной администра-

ции, а 8 июня 2006 г. подал первичное информационное сообщение об убийстве в районное отделение полиции, но все это было безрезультатным. В июне 2005 г. НКПЧ установила, что дочь автора была незаконно убита и рекомендовала правительству выявить виновных и принять в отношении их правовые меры. Кроме того, 14 декабря 2009 г. Верховный суд отдал судебный приказ о проведении незамедлительного расследования, но это не привело к каким-либо результатам. Несмотря на усилия, предпринятые автором, более чем через десять лет после убийства его дочери государство-участник не завершило никакого расследования, проясняющего обстоятельства ее ареста и смерти, и ни один виновный не предстал перед судом и не был наказан. Государство-участник ссылается на текущие расследования, но ход таких расследований и причины задержек по-прежнему остаются неясными (п. 11.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что обращение, которому он подвергся со стороны военнослужащих Королевской армии Непала, включая принуждение его к наблюдению за казнью его дочери, а также отсутствие последующего надлежащего расследования и безнаказанность виновных, представляют собой обращение, противоречащее ст. 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта, в том, что касается самого автора. Комитет отмечает, что все усилия, предпринятые автором для обеспечения правосудия со стороны властей, оказались безрезультатными и что он и его семья получили только 100 000 рупий и 200 000 рупий в качестве временной компенсации соответственно в 2008 и 2010 годах. Комитет считает, что временная компенсация не является надлежащим средством правовой защиты, соразмерным столь серьезным нарушениям. Комитет считает, что события, в которых вынужден был участвовать автор, в том числе связанные с неспособностью государства-участника обеспечить оперативное, тщательное и эффективное расследование, представляют собой обращение, противоречащее ст. 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 11.6 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет по правам человека приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило права дочери автора согласно п. 1 ст. 6, а также ст. ст. 7, 9 и 10 Пакта, рассматриваемым в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта; а также права автора в соответствии со ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта. В соответствии с подп. "а" п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, которое предусматривало бы проведение эффективного и полного расследования по соответствующим фактам, уголовное преследование и наказание виновных и возмещение в полном объеме ущерба и соответствующие меры сатисфакции. Государство-участник обязано также предпринять шаги по предупреждению аналогичных нарушений в будущем (пп. 12, 13 Соображений).

Сообщение: Али Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана. Сообщение № 1972/2010. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: пытки в ходе досудебного содержания под стражей; бесчеловечные условия содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство; замена смертного приговора пожизненным лишением свободы в период, когда пожизненное лишение свободы не было предусмотрено законом.

¹Пункт 18 Замечания общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь.

²См. сообщение № 1275/2004, *Уметалиев против Кыргызстана*, Соображения, принятые 30 октября 2008 г., п. 9.5.

³Национальная комиссия по правам человека.

⁴Районное отделение полиции.

Вопросы сущности: пытки, справедливое судебное разбирательство, бесчеловечное обращение; назначение более тяжкого наказания, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления; право на обжалование.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что согласно принципу равенства сторон обеим сторонам должны обеспечиваться одни и те же процессуальные права, кроме как если различия предусматриваются законом и могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, не ставящим под сомнение в фактически невыгодное положение и не подвергающим его иному несправедливому отношению¹ (п. 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что условия, в которых он отбывает свое наказание в виде пожизненного лишения свободы, в том числе после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, равнозначны пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение ст. 7 и пп. 1 и 3 ст. 10 Пакта. Он отмечает, что государство-участник подтвердило большую часть утверждений автора в отношении следующего: размера камер; возможностей лиц, отбывающих пожизненное заключение, заниматься трудовой деятельностью, образованием, профессиональной подготовкой или спортом; количества разрешенных им свиданий и телефонных разговоров и в целом возможности поддержания ими контактов со своими родственниками. Комитет также принимает к сведению общий довод государства-участника о том, что условия содержания в тюрьмах соответствуют международным стандартам. Комитет приходит к выводу о том, что условия содержания автора под стражей в период с момента вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника и до 24 июня 2008 г. в том виде, в котором они были описаны, были нарушением его права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности и, следовательно, противоречили п. 1 ст. 10 Пакта². В свете этого вывода Комитет не будет рассматривать отдельно какие-либо возможные утверждения, затрагивающие в этой связи ст. 7 или п. 3 ст. 10³ (п. 9.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что после отклонения его кассационной жалобы 20 сентября 2005 г. коллегией судей Верховного суда, Пленум Верховного суда вновь рассмотрел данное решение 24 октября 2005 г., что привело к изменению вынесенного автору приговора; Пленум проводил заседание в присутствии прокурора, но не уведомил о нем сторону защиты, и на заседании не присутствовали ни автор, ни его адвокат. Государство-участник не отрицает этих утверждений (п. 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что замена вынесенного ему смерт-

ного приговора пожизненным лишением свободы за преступление, совершенное в период, когда пожизненное лишение свободы не предусматривалось законом, стало нарушением п. 1 ст. 15 Пакта. В соответствии с последним предложением п. 1 ст. 15 Пакта, если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что наказание в виде пожизненного заключения, введенное законом от 10 февраля 1998 г., заменило собой смертную казнь, которая представляет собой более суровое наказание по сравнению с пожизненным тюремным заключением. Кроме того, в отношении некоторых преступлений, за которые был осужден автор, таких как убийство, в законодательство впоследствии не было внесено никаких новых положений, вводящих более мягкие наказания, которые могли бы распространяться на автора, кроме вышеупомянутой поправки о пожизненном заключении. В таких обстоятельствах Комитет не может прийти к выводу о том, что государство-участник, заменив пожизненным заключением смертную казнь за преступления, за которые был осужден автор, нарушило права автора по п. 1 ст. 15 Пакта⁴ (п. 9.4 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека считает, что предъявленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Гулиева по п. 1 ст. 10 и п. 1 ст. 14 Пакта (п. 10 Соображений).

Вопросы выдачи

Сообщение: *Хью Реймонд Гриффитс против Австралии.* Сообщение № 1973/2010. Соображения приняты Комитетом 21 октября 2014 г.

Тема сообщения: содержание под стражей до выдачи.

Вопросы сущности: право на свободу и личную неприкосновенность; право на справедливое судебное разбирательство; защита иностранцев от произвольной высылки; право на эффективное средство правовой защиты.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой, для того чтобы содержание под стражей не было квалифицировано как произвольное, оно не должно продолжаться сверх того срока, в отношении которого государство-участник может представить должные обоснования⁵ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает, что пересмотр в судебном порядке вопроса о законности задержания в соответствии с п. 4 ст. 9 Пакта не ограничивается исключительно соответствием такого задержания внутреннему законодательству, а должен включать возможность принятия решений об освобождении в случае, если задержание несовместимо с требованиями Пакта, в частности с требованиями п. 1 ст. 9 Пакта⁶. Решающее значение для целей п. 4 ст. 9 имеет то, чтобы такой пересмотр по своим последствиям должен быть реальным, а не просто формальным⁷ (п. 7.5 Соображений).

¹См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое разбирательство, п. 13.

²См. сообщения № 1813/2008, *Акванга против Камеруна*, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., п. 7.3, № 1628/2007, *Павлюченков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 20 июля 2012 г., п. 9.2.

³См., например, сообщение № 1406/2005, *Вираванса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 17 марта 2009 г., п. 7.4.

⁴См. сообщения № 1425/2005, *Марц против Российской Федерации*, Соображения, принятые 21 октября 2009 г., пп. 6.5 и 6.6, и № 1346/2005, *Тофанюк против Украины*, Соображения, принятые 20 октября 2010 г., п. 11.3.

⁵См., например, *К. против Австралии*, п. 8.2.

⁶См., например, *К. против Австралии*, п. 8.3; сообщение № 1014/2001, *Бабан против Австралии*, Соображения, принятые 6 августа 2003 г., п. 7.2.

⁷См., например, *А. против Австралии*, п. 9.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств. В настоящем деле содержание автора под стражей без перерывов продолжалось свыше двух лет и пяти месяцев, в течение которых он пользовался механизмом обжалования решения Федерального суда от 7 июля 2004 г. о том, что он подлежит выдаче из Австралии в Соединенные Штаты. Хотя государство-участник ссылается на особые причины в оправдание его содержания под стражей, Комитет отмечает, что оно не доказало, что эти причины оправдывают продолжение содержания автора под стражей с учетом прошедшего срока и новых обстоятельств. В частности, государство-участник не продемонстрировало, что с учетом особых обстоятельств, в которых находился автор, в его распоряжении не имелось менее принудительных средств для достижения тех же целей, т.е. соблюдения правил государства-участника и его обязательств в сфере международного сотрудничества по вопросам экстрадиции путем, например, введения требования о периодической явке для регистрации, использования поручительства или других условий, которые учитывали бы его личные обстоятельства. В частности, государство-участник не смогло продемонстрировать, было ли уделено должное внимание аргументам автора в поддержку его освобождения, таким как соблюдение условий предыдущего освобождения под залог в ходе тех же процедур экстрадиции, низкая опасность побега, отсутствие в прошлом судимости или состояние его здоровья (п. 7.2 Соображений).

Комитет также отмечает, и это так и не было опровергнуто государством-участником, что содержание под стражей до экстрадиции никак не ограничивается австралийским законодательством по срокам и что общим правилом в соответствии с правовой практикой Высокого суда по делам об экстрадиции является содержание лиц “под стражей независимо от того, необходимо их содержание под стражей или нет”... Комитет принимает во внимание аргумент автора об отсутствии как во внутреннем законодательстве, так и в судебной практике Высокого суда каких-либо указаний относительно сроков принятия Министром юстиции и таможенной службы решения об экстрадиции, которое, как ожидается, должно выноситься “при первой разумной возможности”. Отмечая, что в рассматриваемом случае вынесение такого решения заняло более 15 месяцев, а именно с 6 сентября 2005 г. по 22 декабря 2006 г., Комитет полагает, что государство-участник не смогло продемонстрировать, каким образом этот период времени отвечает требованию “разумной возможности” и почему продолжение содержания автора под стражей было необходимым и оправданным в течение этого конкретного периода времени. С учетом этих обстоятельств, какими бы ни были причины для первоначального помещения под стражу, продолжающееся содержание автора под стражей до экстрадиции без достаточного индивидуального обоснования является, по мнению Комитета, произвольным и представляет собой нарушение п. 1 ст. 9 Пакта (п. 7.3 Соображений).

Комитет также принимает во внимание утверждение автора в связи с п. 4 ст. 9 Пакта о том, что в его распоряжении не имелось эффективных и доступных средств правовой защиты, позволяющих добиться судебного пересмотра вопроса о его продолжающемся содержании под стражей, которое приобрело произвольный характер по причине своей несоразмерной длительности. Он

отмечает, что государство-участник не согласно с утверждением автора, заявляя, что такой пересмотр был возможен посредством подачи обращения об освобождении под залог. Ссылаясь на свои соображения относительно приемлемости сообщения, а также на австралийское законодательство и судебную практику Высокого суда, Комитет отмечает, что освобождение под залог может быть санкционировано судом, только если затрагиваемое лицо сможет доказать наличие “особых обстоятельств”, которые должны быть “чрезвычайными и не относиться к факторам, которые распространяются на всех лиц, подлежащих экстрадиции”, а также продемонстрировать “высокую вероятность успешного рассмотрения” ходатайства об освобождении под залог. Он принимает во внимание пояснение автора о том, что сама по себе продолжительность содержания под стражей не относится к “особым обстоятельствам” согласно судебной практике Высокого суда и что лицо обязано доказать факт изменения обстоятельств в целях обоснования нового ходатайства об освобождении под залог, если предыдущее ходатайство было отклонено. Он также отмечает, что государством-участником не было оспорено утверждение, согласно которому лица, которым угрожает экстрадиция, обычно содержатся под стражей независимо от необходимости такой меры (п. 7.4 Соображений).

В рассматриваемом случае автор содержался под стражей до экстрадиции в течение более чем двух лет без какой-либо возможности добиться судебного рассмотрения по существу вопроса о том, соответствует ли Пакту продолжение его содержания под стражей, или быть освобожденным на этом основании. С учетом этих обстоятельств, а также в свете своих выводов в соответствии с п. 1 ст. 9 Пакта Комитет считает, что автор фактически не имел возможности, в силу законодательства и практики государства-участника, воспользоваться эффективным разбирательством в суде в целях достижения пересмотра вопроса о законности продолжения его содержания под стражей, поскольку суды не были уполномочены рассматривать вопрос о том, продолжает ли его содержание под стражей быть законным по истечении времени, и принимать решение о его освобождении на этом основании. Кроме того, он приходит к выводу о том, что государство-участник не продемонстрировало, что автор имел в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты в связи со своими утверждениями по п. 4 ст. 9 Пакта. Таким образом, по мнению Комитета, подобное отсутствие возможности опротестовать факт содержания под стражей, которое противоречило или стало противоречить п. 1 ст. 9, является нарушением п. 4 ст. 9 Пакта¹ (п. 7.5 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пп. 1 и 4 ст. 9 Пакта (п. 8 Соображений).

Назначение наказания несовершеннолетним

Сообщение: *Бронсон Блессингтон и Мэтью Эллиот против Австралии.* Сообщение № 1968/2010. Соображения приняты Комитетом 22 октября 2014 г.

Тема сообщения: назначение несовершеннолетним наказания в виде пожизненного тюремного заключения.

¹См., например, *К. против Австралии*, п. 8.3.

Вопросы существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; существенные цели пенитенциарной системы; применение уголовного законодательства с приданием ему обратной силы; право несовершеннолетних на защиту.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 21 (1992), в котором он указал, что пенитенциарная система не должна носить лишь карательный характер и что в значительной степени она должна стремиться к исправлению и социальной реабилитации заключенного. Комитет подчеркивает, что этот принцип имеет особое значение в случае несовершеннолетних (п. 7.8 Соображений).

Пункт 1 ст. 24 Пакта требует, чтобы государства-участники обеспечивали детям такие меры защиты, которые необходимы в их статусе несовершеннолетних. Это положение учитывает уязвимость и незрелость детей, а также их потенциал развития. Право детей на особое отношение также лежит в основе подп. "b" п. 2 и п. 3 ст. 10, а также п. 5 ст. 6 Пакта, который запрещает вынесение смертного приговора за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. Комитет считает, что такое отношение к несовершеннолетним, которое соответствует их возрасту и правовому статусу, не позволяет сделать окончательный вывод, что поступки, совершенные несовершеннолетним лицом, делают его на всю жизнь не поддающимся перевоспитанию и не заслуживающим освобождения, независимо от будущего личностного или социального развития. Комитет напоминает о п. "a" ст. 37 Конвенции о правах ребенка, в котором предусмотрено, что "ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет". Хотя главная роль Комитета состоит в контроле за соблюдением Пакта, Комитет считает это положение, которое включено в международный договор, ратифицированный или принятый на почти универсальном уровне, включая государство-участник, ценным источником толкования Пакта в настоящем деле (п. 7.11 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств. Комитет отмечает, что в результате применения Приложения 1 к Закону о преступлениях (Процедура назначения наказания) 1999 года и принятого впоследствии законодательства авторы должны отбыть 30 лет от их пожизненного срока, прежде чем они смогут ходатайствовать об установлении ограниченного срока наказания; рассмотрение этого ходатайства будет ограничено назначением срока без права на условно-досрочное освобождение, и только по истечении срока без права на условно-досрочное освобождение Управление по условно-досрочному освобождению штата Новый Южный Уэльс может освободить авторов, если будет существовать неминуемая угроза их смерти или физическая недееспособность (п. 7.6 Соображений).

Комитет считает, что назначение авторам как несовершеннолетним наказания в виде пожизненного тюремного заключения может быть совместимо со ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта, только в том случае, если существует возможность пересмотра наказания и перспектива освобождения, несмотря на тяжесть совершенного ими преступления и связанные с ним обстоятельства. Это не означает, что освобождение должно быть обязательно предоставлено. Это означает, что освобождение

не должно быть лишь чисто теоретической возможностью и что процедура пересмотра должна быть тщательной, что позволит внутренним органам власти оценить конкретный прогресс в исправлении авторов и основания для дальнейшего содержания в заключении, с учетом того, что на момент совершения преступления им было соответственно 14 и 15 лет (п. 7.7 Соображений).

Принимая во внимание установленный длительный период, по истечении которого авторы будут иметь право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении, ограничительные условия, которые введены законом для получения такого освобождения, и несовершеннолетний возраст авторов на момент совершения ими преступлений, Комитет считает, что наказание в виде пожизненного тюремного заключения, которое в настоящее время действует в отношении авторов, не соответствует обязательствам государства-участника по ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта (п. 7.12 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека считает, что государство-участник нарушило права авторов по ст. 7, п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта (п. 8 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Тараненко против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 мая 2014 г.

Заявительница жаловалась, в том числе на то, что ее задержание, содержание под стражей до суда, а также назначенное ей по результатам уголовного разбирательства наказание нарушили ее право свободно выражать свое мнение, закрепленное в ст. 10 Конвенции, и право на свободу собраний, гарантированное ст. 11 Конвенции¹.

Европейский Суд пришел к выводу, что, хотя санкция за действия заявительницы могла быть оправдана требованиями охраны общественного порядка, длительность срока содержания под стражей до суда и длительность условного срока лишения свободы, определенного в отношении нее, не являлись соразмерными преследуемой правомерной цели. Европейский Суд полагает, что чрезмерно суровая санкция, примененная в настоящем деле, должна была оказать сдерживающее влияние на заявительницу и других лиц, принимающих участие в протестных акциях (п. 95 постановления). "Принимая во внимание вышеизложенное и особо учитывая длительность срока досудебного содержания под стражей, а также чрезмерную суровость примененного наказания, Европейский Суд... указал, что рассматриваемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе". "Имело место нарушение ст. 10 Конвенции в ее толковании в свете статьи 11 Конвенции" (пп. 96, 97 постановления).

Мостипан против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявительница жаловалась в том числе на то, что уголовное судопроизводство в ее отношении было несправедливым. Она утверждала, что было нарушено ее право не давать показаний против самой себя.

Европейский Суд установил, что "...признательные показания, сделанные заявителем после ее задер-

¹ 8 декабря 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы признал заявительницу и других подсудимых виновными в участии в массовых беспорядках. Он счел установленным тот факт, что подсудимые незаконно проникли в здание Администрации Президента Российской Федерации без соблюдения необходимых формальностей.

жания и помещения в отделение милиции, являлись частью доказательств, предъявленных против нее в ходе уголовного судопроизводства. Суд первой инстанции не признал эти показания неприемлемыми и ссылался на них при признании заявительницы виновной и при вынесении приговора” (п. 74 постановления)¹.

Суд пришел к выводу, что “независимо от того, какое воздействие оказали на исход уголовного судопроизводства признательные показания, полученные от заявительницы под давлением, это доказательство сделало уголовное разбирательство несправедливым... в настоящем деле было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции” (п. 76 постановления).

Сигарев против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г.

Заявитель жаловался, в том числе, на то, что срок его содержания под стражей в ходе предварительного следствия согласно соответствующим судебным постановлениям истек и что его содержание под стражей до принятия районным судом решения о заключении его под стражу было неправомерным.

Власти Российской Федерации пришли к выводу, что с 00:00 14 марта до 17:45 15 марта 2010 г. заявитель содержался под стражей незаконно. Они также отметили, что 16 марта 2010 г. прокуратура внесла представление начальнику следственного изолятора, где на тот момент содержался под стражей заявитель. Лица, ответственные за нарушение прав заявителя, были подвергнуты дисциплинарной ответственности. Наконец, они отметили, что после того, как заявитель был признан виновным и приговорен к наказанию в виде лишения свободы, срок, в течение которого он незаконно содержался под стражей, был засчитан в срок назначенного ему наказания (п. 32 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...Власти не предоставляют никакого возмещения заявителю в связи с возникшей ситуацией... Власти не утверждают, что постановление прокурора может служить основанием для пересмотра жалобы заявителя на неправомерность его содержания под стражей... в данном случае зачет времени, проведенного в заключении, в общий срок, подлежащий отбытию заявителем, не может рассматриваться как соответствующее и достаточное возмещение в связи с нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку, в данном случае, время содержания под стражей в ходе предварительного следствия автоматически засчитывается в сроки лишения свободы, вне зависимости от того, было ли оно неправомерным... Следовательно, имело место нарушение подп. “с” п. 1 ст. 5 Конвенции” (пп. 35, 36, 42 постановления).

Амиров против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2014 г.

Заявитель жаловался, что в местах содержания под стражей отсутствовали условия для оказания ему эффективной медицинской помощи, что привело к серьезному ухудшению его состояния здоровья, поставило его в угрожающую жизни ситуацию и подвергло его значительным физическим и моральным страданиям в нарушение гарантий ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд пришел к выводу, что “заявителю не предоставлялась медицинская помощь, являющаяся жизненно важной с учетом его болезней. Лечение, которое он получал, было неполным, а медицинское наблюдение, которое ему предоставлялось, было недостаточным для поддержания состояния его здоровья. В ответ на увеличивающееся число его жалоб на состояние здоровья не было проведено никакой тщательной оценки его

состояния и не было поставлено надлежащего диагноза. Медицинский персонал пенитенциарных учреждений не предпринимал никаких мер в ответ на его жалобы и не следовал рекомендациям привлеченных заявителем экспертов. Свидетельством низкого качества медицинского обслуживания является тот факт, что заявитель содержался под стражей в нестерильных и антисанитарных условиях, представлявших для него серьезную опасность с учетом того, что его иммунная система уже была ослаблена. Суд также обеспокоен тем, что информация, предоставленная медицинским работником СИЗО в г. Ростове-на-Дону в отношении качества медицинской помощи, в настоящее время предоставляемой заявителю, не дает оснований заключить, что медицинская помощь, которую он продолжает получать в следственном изоляторе, позволит поддержать его здоровье и благополучие на надлежащем уровне и предотвратить дальнейшее ухудшение его состояния... Суд считает, что в результате отсутствия всестороннего и надлежащего лечения заявитель испытывает продолжительные психические и физические страдания, что унижает его человеческое достоинство. Непредоставление властями заявителю необходимой ему медицинской помощи представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу ст. 3 Конвенции” (п. 93 постановления).

Заявитель также жаловался на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не были достаточно обоснованными (п. 3 ст. 5 Конвенции).

Европейский Суд, в частности, отметил, что “производство по делу было достаточно сложным с учетом большого количества доказательств и реализации специальных мер, необходимых в делах, касающихся организованной преступности. Время, прошедшее с момента совершения преступлений и до возбуждения уголовного дела, являлось еще одним фактором, осложнявшим задачу следователей. Суд принимает во внимание тот факт, что перед властями стояла задача уравновесить необходимость продолжения расследования с обязательством обеспечения того, чтобы заявитель был в полной мере способен принимать в нем участие. Национальные власти проявили усердие в ведении производства по делу. Они завершили расследование, провели предварительные слушания и вынесли приговор в отношении заявителя в течение тринадцати месяцев. Заявитель не утверждал, что власти допустили какую-либо задержку при проведении этих процессуальных действий. В этих обстоятельствах Суд повторяет, что, хотя подозреваемый или обвиняемый, содержащийся под стражей, имеет право на рассмотрение его или ее дела в приоритетном порядке и в разумный срок, это не должно препятствовать усилиям властей по всестороннему уточнению фактов по делу, обеспечению стороне защиты всех возможностей для предоставления доказательств с их стороны и изложения их позиции по делу, и вынесению приговора только после тщательного рассмотрения вопроса о том, в действительности ли были совершены соответствующие преступления и какое наказание является справедливым”. “Власти представили относимые и достаточные основания в оправдание содержания заявителя под стражей, и что они продемонстрировали наличие особой тщательности при разрешении дела заявителя, Суд полагает, что нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции допущено не было” (пп. 112, 113 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
25 ноября 2015 г.)*

¹ Европейским Судом было установлено, что заявитель подверглась обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИЗЪЯТИЕМ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ЦЕЛЯХ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ТРАНСПОРТА

Верховным Судом РФ проведено обобщение практики рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел по спорам, возникающим в связи с изъятием земельных участков у граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в целях размещения объектов транспорта.

В период проведения обобщения с 1 апреля 2015 г. вступили в силу изменения в Земельный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О государственном кадастре недвижимости”, Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” и ряд других федеральных законов, внесенные Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ “О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ).

Согласно п. 1 ст. 279 ГК РФ в редакции, действующей с 1 апреля 2015 г., изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется в случаях и в порядке, которые предусмотрены земельным законодательством.

Земельным кодексом РФ в редакции, действующей с 1 апреля 2015 г., допускается изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд в целях строительства, реконструкции объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения, если указанные объекты предусмотрены утвержденными документами территориального планирования и утвержденными проектами планировки территории (п. 1 ст. 56³).

Исключение из этого правила установлено для тех случаев, когда до 1 апреля 2015 г. принято решение о предварительном согласовании места размещения объекта в целях изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. В этом случае подготовка проекта планировки территории, предусматривающего размещение объекта государственного или муниципального значения, для размещения которого изымается земельный участок для государственных или муниципальных нужд, не требуется, а местоположение границ земельного участка, подлежащего изъятию для государственных или муниципальных нужд, устанавливается на основании утвержденного акта о выборе земельного участка и приложенной к нему схемы расположения земельного участка на кадастровом плане или кадастровой карте соответствующей территории (ч. 2 ст. 26 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ).

Кроме того, не требуется наличия утвержденных документов территориального планирования и утвержденного проекта планировки территории для принятия решения об изъятии земельного участка, необходимого для эксплуатации линейного объекта из числа указанных в ст. 49 ЗК РФ, если такой линейный объект расположен на земельном участке, на который у собственника линейного объекта или лица, которому он принадлежит на иных правах, отсутствуют права, а право собственности или иные права на такой линейный объект возникли до 1 апреля 2015 г. (ч. 4 ст. 26 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ).

Принятие решения об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд

для целей, не предусмотренных п. 1 ст. 56³ ЗК РФ, возможно только в строго определенных случаях, исчерпывающий перечень которых установлен п. 2 ст. 56³ ЗК РФ.

К государственным или муниципальным нуждам ст. 49 ЗК РФ относит необходимость выполнения международных договоров Российской Федерации; строительство, реконструкцию перечисленных в п. 2 этой статьи объектов государственного или местного значения при отсутствии других возможных вариантов строительства, реконструкции этих объектов. Иные основания изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд могут устанавливаться федеральными законами (п. 3 ст. 49 ЗК РФ).

Статьей 56⁴ ЗК РФ предусмотрена возможность изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд не только по инициативе уполномоченных федеральных органов государственной власти, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления, но и по ходатайству организаций, перечисленных в п. 1 указанной нормы. Перечень таких организаций утвержден постановлением Правительства РФ от 6 мая 2015 г. № 442.

Кроме того, с ходатайством об изъятии в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 56⁴ ЗК РФ, вправе обратиться орган государственной власти, государственное унитарное предприятие, государственное учреждение.

В случае принятия решения об изъятии земельных участков на основании ходатайства об изъятии организация, подавшая такое ходатайство, в частности, несет расходы по опубликованию сообщения о планируемом изъятии земельных участков и размещении информации на информационных щитах (п. 2 ст. 56⁵ ЗК РФ), принимает участие в подготовке и заключении соглашения об изъятии земельных участков (п. 1 ст. 56⁷ ЗК РФ, ст. 56¹⁰ ЗК РФ), выплачивает возмещение за изымаемые земельные участки (п. 13 ст. 56¹⁰ ЗК РФ), а также имеет право обращаться в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимости (п. 10 ст. 56¹⁰ ЗК РФ).

До 1 апреля 2015 г. при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд предусматривалась уплата выкупной цены соответствующим публично-правовым образованием. С 1 апреля 2015 г. необходимым условием изъятия такого земельного участка является предоставление правообладателю предварительного и равноценного возмещения не только за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, но и в предусмотренных законом случаях за счет организации, на основании ходатайства которой было принято решение об изъятии (ст. 281 ГК РФ, пп. 1, 2 ст. 56⁴, п. 13 ст. 56¹⁰ ЗК РФ).

С 1 апреля 2015 г. подробно регламентирован порядок выявления лиц, земельные участки и (или) расположенные на них объекты недвижимого имущества которых подлежат изъятию для государственных или муниципальных нужд, и уведомления таких лиц о планируемом изъятии (ст. 56⁵ ЗК РФ), а также о принятом решении об изъятии земельного участка (ст. 56⁶ ЗК РФ), к которым также применяются правила о юридически значимом сообщении (ст. 165¹ ГК РФ). При рассмотрении дел по спорам, возникающим в связи с принятием таких решений об изъятии, необходимо учитывать, что бремя доказывания факта соблюдения соот-

ветствующих требований земельного законодательства, направления соответствующих сообщений и их доставки адресату лежит на лице, направившем сообщение.

Изменения коснулись и сроков принудительного изъятия земельных участков. Пунктом 3 ст. 279 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 апреля 2015 г.) предусматривалась обязанность органа, принявшего решение об изъятии земельного участка, не позднее чем за год до предстоящего изъятия письменно уведомить об этом собственника участка, а выкуп до истечения года со дня получения собственником такого уведомления допускался только с согласия собственника.

С 1 апреля 2015 г. установлена обязанность не только уведомить правообладателя земельного участка о принятом решении об изъятии (п. 5 ст. 279 ГК РФ, подп. 3 п. 10 ст. 56⁶ ЗК РФ), но и направить ему проект соглашения об изъятии недвижимости с приложением кадастровых паспортов, отчета об оценке рыночной стоимости изымаемых земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества, а в установленных законом случаях — и отчета об оценке стоимости объектов недвижимого имущества, предоставляемых взамен изымаемого (пп. 2, 4 ст. 56¹⁰ ЗК РФ).

Если правообладатель не заключит соглашение об изъятии, иск о принудительном изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд не может быть подан ранее чем до истечения девяноста дней со дня получения правообладателем такого земельного участка соглашения об изъятии (п. 2 ст. 282 ГК РФ, п. 10 ст. 56¹⁰ ЗК РФ).

Статьей 282 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 апреля 2015 г.) устанавливался трехлетний срок для предъявления иска о выкупе земельного участка для государственных или муниципальных нужд, исчислявшийся с момента направления собственнику уведомления о предстоящем изъятии земельного участка. Действующая с 1 апреля 2015 г. редакция ст. 282 ГК РФ устанавливает, что иск о принудительном изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд может быть предъявлен в течение срока действия решения об изъятии земельного участка для указанных нужд, который согласно п. 13 ст. 56⁶ ЗК РФ составляет три года с момента его принятия. Истечение указанного срока является основанием для отказа в удовлетворении иска.

Правовое регулирование, введенное Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ, подлежит применению с учетом положений ст. 26 названного Закона.

Частью 1 ст. 26 Федерального закона № 499-ФЗ установлено, что, если решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд принято до дня вступления его в силу, подготовка и заключение соглашения об изъятии такого земельного участка осуществляются в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ и Земельным кодексом РФ в редакции Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ.

Таким образом, независимо от того, какие действия по подготовке к заключению соглашения о выкупе земельного участка были произведены до 1 апреля 2015 г., после указанной даты процедура подготовки и заключения такого соглашения, предусмотренная положениями главы VII¹ ЗК РФ, должна быть соблюдена в полном объеме.

Аналогичным образом необходимо решать вопрос о соблюдении установленной положениями главы VII¹ ЗК РФ процедуры изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд в случае, если до 1 апреля 2015 г. принято решение о предварительном согласовании места размещения объекта в це-

лях изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд и не принято решение об изъятии такого земельного участка.

1. По требованию уполномоченного органа исполнительной власти, органа местного самоуправления суд принимает решение о выкупе земельного участка, определяя при этом размер выкупной цены и другие условия, на которых осуществляется изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Принятие судом решения о понуждении к заключению такого соглашения законом не предусмотрено.

Администрация муниципального образования обратилась с иском к П. и другим о выкупе жилого дома и земельного участка, об определении выкупной цены земельного участка, жилого помещения с надворными постройками, плодово-ягодными насаждениями, о понуждении заключить соглашение о выкупной цене, сроке выкупа, прекращении права долевой собственности на жилое помещение и земельный участок.

Решением суда исковые требования были удовлетворены в полном объеме.

Отменяя решение суда первой инстанции в части возложения на ответчика обязанности заключить соглашение о выкупной цене с органом местного самоуправления, суд апелляционной инстанции отметил следующее.

По общим правилам действующего на момент рассмотрения дела законодательства при недостижении сторонами спорных правоотношений добровольного соглашения о выкупе такой выкуп производится на основании решения суда, в котором должны быть определены выкупная цена, сроки и другие условия выкупа. Законодательством не установлена обязанность собственника земельного участка заключить такое соглашение (ст.ст. 279—282¹, п. 1 ст. 421 ГК РФ), в связи с чем правовых оснований для понуждения ответчиков к заключению соглашения о выкупе у суда первой инстанции не имелось.

При таких обстоятельствах судом апелляционной инстанции было обоснованно отменено решение суда первой инстанции в указанной части. В части удовлетворения исковых требований администрации муниципального образования к П. и другим о выкупе жилого дома и земельного участка, об определении выкупной цены и срока выкупа, о прекращении права собственности на жилое помещение и на земельный участок решение суда оставлено без изменений.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Удмуртской Республики)

2. Несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд, в частности неуведомление правообладателя о принятом решении об изъятии земельного участка, является основанием для отказа в удовлетворении требования уполномоченного органа исполнительной власти или органа местного самоуправления о выкупе земельного участка.

Решением городского суда отказано в удовлетворении иска департамента имущественных и земельных отношений администрации области и государственного бюджетного учреждения “Управление автомобильных дорог администрации области” к Ш. о выкупе земельного участка.

Судом установлено, что постановлением губернатора области от 15 февраля 2012 г. принято решение об изъятии земельных участков для государственных нужд в целях строительства мостового перехода. В перечень подлежащих изъятию вошел и земельный участок, принадлежащий Ш. При этом уведомление о

¹Здесь и далее приводятся ссылки на нормы гражданского и земельного законодательства в редакции, действовавшей до 1 апреля 2015 г., если иное прямо не оговорено.

принятом решении и о проведении его регистрации, проект договора купли-продажи земельного участка были направлены прежнему собственнику земельного участка Б.

Поскольку доказательств направления такого уведомления Ш. представлено не было, суд пришел к правильному выводу, что несоблюдение процедуры, предшествующей изъятию земельного участка у собственника (п. 3 ст. 279 ГК РФ), влечет за собой отказ в иске органу государственной власти о выкупе земельного участка.

(По материалам судебной практики Владимирского областного суда)

3. Уклонение или отказ правообладателя земельного участка от получения направленного по месту его жительства письменного уведомления о принятом решении об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд не являются основанием для отказа в принудительном отчуждении земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, удовлетворены исковые требования администрации муниципального образования к К., Х., Ш. о выкупе земельного участка для муниципальных нужд (для строительства мостового перехода).

Отклоняя доводы ответчика К. о неполучении уведомления о принятии решения об изъятии земельного участка, суд апелляционной инстанции отметил следующее.

Администрацией муниципального образования были представлены доказательства того, что письменное уведомление о принятии решения об изъятии земельного участка направлялось К. по месту его жительства, однако за получением письма К. не явился, и оно было возвращено адресату отделением связи по истечении срока хранения.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу о том, что отсутствие надлежащего контроля за поступающей по месту регистрации и месту фактического проживания ответчика корреспонденцией является риском для него самого, все неблагоприятные последствия которого несет К., и не свидетельствует о неисполнении или ненадлежащем исполнении истцом своей обязанности по уведомлению правообладателя в письменной форме о принятом решении об изъятии земельного участка.

(По материалам судебной практики Новосибирского областного суда)

Действующая в настоящее время редакция п. 11 ст. 56⁶ ЗК РФ прямо устанавливает, что правообладатель изымаемой недвижимости считается уведомленным о принятом решении об изъятии со дня получения копии решения об изъятии или со дня возврата отправителю в соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» заказного письма, которым ему направлялась копия решения об изъятии.

В случае отсутствия сведений о почтовом адресе правообладатель изымаемой недвижимости считается уведомленным с момента отправки ему копии решения об изъятии в электронной форме на адрес электронной почты, а в случае отсутствия сведений как о почтовом адресе, так и об адресе электронной почты — со дня опубликования решения об изъятии в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов.

4. Отсутствие решения об изъятии земельного участка (его части) или несоблюдение процедуры изъятия зе-

мельного участка для государственных или муниципальных нужд само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества.

И. обратился в суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании убытков, причиненных фактическим изъятием для строительства автомобильной дороги земельного участка без соблюдения установленной законом процедуры.

Судом установлено, что решением администрации муниципального образования земельный участок, принадлежащий И. на праве собственности, был предоставлен обществу для застройки микрорайона без проведения процедуры изъятия. На время рассмотрения дела на указанном земельном участке расположена автомобильная дорога.

При таких обстоятельствах и на основании ст.ст. 15, 16, 1069 ГК РФ судом были правомерно удовлетворены исковые требования И. о взыскании за счет казны муниципального образования убытков, причиненных неправомерными действиями органа местного самоуправления, в размере рыночной стоимости земельного участка.

При этом суд правильно отметил, что само по себе несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для муниципальных нужд не лишает собственника такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Удмуртской Республики)

При рассмотрении другого дела по иску Ш. к правительству области о возмещении убытков судом установлено, что истцу принадлежит земельный участок сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования для ведения личного подсобного хозяйства. Часть указанного участка была использована для строительства автомобильной дороги, находящейся в собственности области, однако предусмотренная законом процедура изъятия у собственника принадлежащего ему земельного участка для государственных нужд не проведена, решение об изъятии у Ш. земельного участка или его части не принималось.

Признав нарушенными имущественные права собственника земельного участка на предварительное и равноценное возмещение стоимости фактически изъятной земли, суд, с учетом положений ст.ст. 15, 16, 281, 1069 ГК РФ, ст.ст. 55, 57, 62 ЗК РФ, принял обоснованное решение об удовлетворении требований Ш. о разделе земельного участка на два земельных участка и взыскании в его пользу убытков в размере рыночной стоимости земельного участка, фактически используемого для государственных нужд.

(По материалам судебной практики Челябинского областного суда)

5. В случае изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд у лица, которое владеет земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, на законном основании (право постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, право, основанное на договорах аренды или безвозмездного пользования), такому лицу также предоставляется соответствующее возмещение (ст. 281 ГК РФ).

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании убытков, причиненных изъятием в связи с реконструкцией автодороги арендованного земельного участка.

Разрешая заявленные требования, арбитражный суд исходил из того, что положениями ст.ст. 279, 282, 283 ГК РФ, ст.ст. 49, 55, 57 ЗК РФ прямо урегулирован выкуп земельного участка не только у его собственни-

ка, но и у иного законного владельца. При этом правообладатель имеет право на возмещение убытков, размер которых в случае спора определяется судом.

Судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о том, что применение норм, регулирующих изъятие земельных участков, распространяется и на случаи, когда для государственных или муниципальных нужд изымается земельный участок, переданный в аренду.

Поскольку судом было установлено, что на земельном участке, находящемся в муниципальной собственности и переданном в аренду истцу, возведена автомобильная двухуровневая развязка, однако предварительного и равноценного возмещения истцу не предоставлено, суд, с учетом положений ст.ст. 15, 16, 1069 ГК РФ, удовлетворил заявленные требования о взыскании убытков.

(По материалам судебной практики Девятого арбитражного апелляционного суда)

Действующее с 1 апреля 2015 г. законодательство (ст.ст. 279—282 ГК РФ, отдельные положения главы VII¹ ЗК РФ) прямо определяет основания и порядок прекращения не только права собственности, но и постоянного (бессрочного) пользования, пожизненно наследуемого владения, безвозмездного пользования, аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в случае изъятия его для государственных или муниципальных нужд, а также устанавливает особенности определения размера возмещения в связи с изъятием таких земельных участков (ст. 56⁸ ЗК РФ).

6. Выкупная цена изымаемого для государственных или муниципальных нужд земельного участка определяется по правилам, установленным п. 2 ст. 281 ГК РФ, и включает в себя рыночную стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с невозможностью исполнения своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. При этом под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Как показывает анализ судебной практики, суды в целом правильно применяли положения п. 2 ст. 281 ГК РФ и при определении выкупной цены руководствовались необходимостью определения как размера рыночной стоимости изымаемого имущества, так и причиненных таким изъятием убытков, включая упущенную выгоду.

Так, например, при рассмотрении дела по иску администрации муниципального образования к К. и Ш. об определении выкупной цены, о прекращении права долевой собственности и признании права собственности в состав выкупной цены земельного участка и расположенного на нем жилого дома с надворными постройками была включена рыночная стоимость земельного участка и расположенного на нем дома, трех сараев, гаража, погреба, скважины, забора, плодово-ягодных насаждений, а также убытки, связанные с переездом и сменой места жительства (реальный ущерб).

Определяя размер причиненной изъятием земельного участка упущенной выгоды, суды принимали во внимание, что по смыслу ст. 15 ГК РФ упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, у которого изымается земельный участок, если бы изъятия не было. Поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, ее расчет, представленный истцом, как правило, являлся приблизительным и носил вероятностный характер. Однако судами при разрешении споров, связанных с возмещением упущенной выгоды, обоснованно учитывалось, что это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске. Данные выводы судов соответствуют правовой позиции, сформулированной в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”.

При установлении размера упущенной выгоды судами принимался во внимание тот доход, который с разумной степенью вероятности был бы получен правообладателем участка, если бы он продолжил его использование исходя из тех условий, которые имели место до принятия административного решения об изъятии. В том числе учитывалась деятельность правообладателя, в ходе которой использовался участок, предпринятые правообладателем до принятия административного решения об изъятии меры для получения дохода от использования участка и сделанные с этой целью приготовления.

Например, при рассмотрении дела арбитражный суд установил совокупность условий для взыскания убытков в виде упущенной выгоды с учетом того, что сельскохозяйственное предприятие в результате изъятия земельного участка для государственных нужд лишилось возможности использовать его в предпринимательской деятельности.

В подтверждение размера упущенной выгоды предприятие представило отчет об определении рыночной стоимости упущенной выгоды от изъятия права на земельный участок, в основу расчета положены данные упущенной выгоды предприятия на 1 га посевной площади.

Факт несения истцом затрат на возделывание сельскохозяйственных культур был подтвержден документами бухгалтерского учета и отчетности, представленными в материалы дела. В качестве доказательств получения предприятием дохода от выращивания сельскохозяйственных культур до изъятия земельного участка судом были приняты данные отчетности о финансово-экономическом состоянии за год.

Оценив по правилам ст. 71 АПК РФ представленные по делу доказательства, арбитражный суд пришел к выводу о доказанности наличия и размера убытков, причиненных изъятием принадлежащего истцу земельного участка.

В другом деле судебная коллегия по гражданским делам областного суда пришла к выводу о неверном определении районным судом выкупной цены в части включения в нее упущенной выгоды в виде потери продуктивной площади для жилой застройки и объектов инфраструктуры.

Установлено, что в связи с необходимостью строительства объездной автомобильной дороги администрацией области принято постановление об изъятии для государственных нужд области части земельного участка из состава принадлежащего З. и М. земельного участка сельскохозяйственного назначения. При этом участок собственниками фактически не использовался, в аренду не передавался, производство сельскохозяйственной продукции не осуществлялось.

Размер причиненных изъятием данного участка убытков определен судом первой инстанции с учетом возможного наилучшего и наиболее эффективного использования данного участка — для осуществления на нем индивидуального жилищного строительства. При этом суд пришел к выводу, что потеря продуктивной площади для жилой застройки и объектов инфраструктуры вследствие установления охранной зоны дороги и связанных с этим ограничений составляет упущенную выгоду ответчиков.

Между тем спорный земельный участок имеет вид разрешенного использования “для сельскохозяйственного использования”, доказательств изменения в установленном законом порядке вида разрешенного использования и ведения на нем индивидуального жилищного строительства представлено не было. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции, с учетом положений ст.ст. 15, 281 ГК РФ, признал необоснованным расчет убытков исходя из использования земельного участка под индивидуальное жилищное строительство и изменил размер подлежащей выплате ответчикам выкупной цены.

(По материалам судебной практики Нижегородского областного суда, Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Курского областного суда)

7. При рассмотрении судом дела о выкупе земельного участка выкупная цена определяется исходя из рыночной стоимости земельного участка на момент рассмотрения спора.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ было отменено апелляционное определение областного суда по делу по иску департамента имущественных отношений области к Р. об изъятии земельного участка для государственных нужд — реконструкции автомобильной дороги.

Судом установлено, что решение об изъятии земельного участка ответчика для государственных нужд принято 11 октября 2010 г., а выкупная цена земельного участка была утверждена распоряжением правительства области от 10 июня 2013 г.

Решением суда первой инстанции выкупная цена была определена на момент разрешения спора, однако суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения п. 4 ст. 57 ЗК РФ, указал, что выкупная цена изымаемого имущества должна рассчитываться по состоянию на день, предшествующий принятию постановления правительства области об изъятии земельного участка ответчика для государственных нужд, т.е. на 10 октября 2010 г.

Отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на то, что определение размера возмещения, подлежащего выплате собственнику (пользователю) с учетом стоимости его имущества на день, предшествующий принятию решения об изъятии земельного участка, было предусмотрено п. 4 ст. 57 ЗК РФ для целей первоначального предложения о выкупе земельного участка при принятии решения органом публично-правового образования об изъятии этого участка для государственных или муниципальных нужд.

По смыслу ст. 282 ГК РФ, п. 3 ст. 55, п. 1 ст. 62 ЗК РФ в тех случаях, когда собственник не согласен со стоимостью объекта, установленной в решении уполномоченного органа об изъятии земельного участка, суд определяет стоимость объекта исходя из его рыночной стоимости на момент рассмотрения спора.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 89-КГ15-4)

Указанная правовая позиция остается актуальной и при рассмотрении дел о принудительном изъятии зе-

мельных участков для государственных или муниципальных нужд после 1 апреля 2015 г., поскольку действующим законодательством не установлено иное.

8. Определение выкупной цены земельного участка, подлежащего изъятию для государственных или муниципальных нужд, производится исходя из вида разрешенного использования, установленного в отношении такого участка до начала процедуры его изъятия для государственных или муниципальных нужд.

В отдельных случаях у судов вызывало затруднение определение вида разрешенного использования (или категории земель), которые подлежали учету при определении стоимости земельного участка, поскольку с момента государственной регистрации решения соответствующего органа исполнительной власти об изъятии земельного участка в государственный кадастр недвижимости могли быть внесены сведения об изменении вида разрешенного использования (или категории земель) в целях использования участка в будущем для государственных или муниципальных нужд.

В основном суды обоснованно руководствовались видом разрешенного использования земельного участка, который был установлен до начала процедуры его изъятия для государственных или муниципальных нужд.

При этом судами учитывалось, что по смыслу п. 2 ст. 281 ГК РФ с учетом положений ст. 280 ГК РФ правообладатель изымаемого земельного участка вправе претендовать на получение возмещения, необходимого для восстановления его имущественных потерь, которое рассчитывается таким образом, как если бы такого изъятия не было.

Например, при разрешении дела по иску администрации муниципального образования к гражданам о выкупе для муниципальных нужд земельного участка и жилого дома судом были отклонены возражения ответчиков, полагавших производить оценку земельного участка с учетом градостроительного регламента, согласно которому спорный земельный участок находится в зоне многофункциональной и общественно-деловой застройки.

При этом суды первой и апелляционной инстанций пришли к правомерному выводу о необходимости определения выкупной цены земельного участка исходя из установленного до принятия решения об изъятии вида разрешенного использования “для эксплуатации и обслуживания жилого дома”, а также из фактического использования земельного участка под индивидуальную жилую застройку.

В случае, если после принятия решения об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд собственником земельного участка производилось изменение вида разрешенного использования данного участка, суды производили расчет выкупной цены исходя из того вида разрешенного использования земельного участка, который был установлен на день, предшествующий принятию такого решения.

Так, судом первой инстанции размер выкупной цены, подлежащей выплате Б., был определен исходя из вида разрешенного использования “для индивидуального жилищного строительства”. Однако на день, предшествующий принятию постановления главы администрации края об изъятии земельного участка, вид разрешенного использования данного земельного участка был определен “для садоводства” и лишь впоследствии изменен ответчиком.

Поскольку изменение ответчиком вида разрешенного использования земельного участка произведено после принятия решения об изъятии земельного участка, судом апелляционной инстанции размер выкупной цены был определен с учетом вида разрешенного ис-

пользования земельного участка “для садоводства”, а решение суда в этой части изменено.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Удмуртской Республики, Краснодарского краевого суда)

В настоящее время п. 5 ст. 56⁸ ЗК РФ установлено, что в целях определения размера возмещения рыночная стоимость земельного участка, право частной собственности на который подлежит прекращению, или рыночная стоимость подлежащих прекращению иных прав на земельный участок определяются исходя из разрешенного использования земельного участка на день, предшествующий дню принятия решения об изъятии земельного участка.

В случае отсутствия в государственном кадастре недвижимости сведений об изымаемом земельном участке,

для целей изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд, в том числе для проведения оценки рыночной стоимости изымаемого земельного участка, видом его разрешенного использования признается вид разрешенного использования, соответствующий цели предоставления такого земельного участка, указанной в документе, подтверждающем право на такой земельный участок, либо в случае отсутствия данного документа вид разрешенного использования, соответствующий назначению расположенных на таком земельном участке объектов недвижимого имущества (п. 10 ст. 26 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ).

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
10 декабря 2015 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 24.03.2016.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,89. Тираж 11 175 экз. Заказ 1277-2016.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
